

С.А.Яценко

АНТРОПОМОРФНЫЕ ОБРАЗЫ В ИСКУССТВЕ ИРАНОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ САРМАТИИ II-I ВВ. ДО Н. Э.

S.A. Yatsenko. The Antropomorphical Images in the Art of the Iranian-speaking Peoples of Sarmatia in the II-I CC. BC.

Middle II – I cc. BC was the period for settlement of a group of large Sarmatian tribes over European steppes and for development of their culture. Anthropomorphic images of that time are studied by subjects and their versions, types of articles and their supposed belonging to the ethnic groups known from written records. The Sarmatians of that period, sometimes deliberately would pick local or imported (from Bosphorus, Bactria or Parphia) images for their interments, to represent their gods or legendary heroes. The list of classic prototypes is limited: Aphrodite, Apollo or Helios, seldom – Dionysos, Nike and Tyhe. It does not at all correspond to similar list with their ancestors Scythians of V – early III c. BC. New proper Sarmatian subjects: racing and standing still horse-riders with original iconography, supposed epic images (a duel of two heroes or of a hero with a monster), small idols of numerous forms and “master of animals”.

Images of humans and gods were made on mainly bridle breast junctions, fibulae-brooches, buckles and small idols. Analysis of “barbarian” articles revealed a large variety in representing human figures connected with local peculiarities and individual master’s style. Most of these anthropomorphic images are found with such tribes as Siracs, Tauro-Scythians and “Upper” Aorses. “Barbarian” articles were apparently produced, first of all, in Sirakena, Scythia Minor and in Bosphorus kingdom. Also, the list of Greed gods and barbarian subjects with the tribes of Middle Sarmatian and Late Sarmatian cultures (early I – late IV cc. AD) practically does not comply with the evidence of the studied period.

Искусство «ранних сарматов» II-I вв. до н.э. изучено, несмотря на обилие материала, крайне слабо. Внимание ряда исследователей привлекали, пожалуй, лишь серебряные бляхи-фалары конской упряжи (как правило, речь идет об анализе отдельных комплексов). Даже по этой категории художественных изделий серьезное обобщение материалов только начинается (см., например: Мордвинцева 1996 б; Мордвинцева 1996 в; Мордвинцева, Переводчикова 2000). Эта ситуация отчасти возникла на психологической основе: слишком разителен контраст между роскошной греко-скифской торевтикой сер. V — нач. III вв. до н.э. и «раннесарматскими» изделиями, и последние явно выглядят менее привлекательно. В самом деле, искусство кочевников новой гунно-сарматской эпохи менее экспрессивно, более геометризовано и отчасти ориентировано на изделия Средней Азии и даже более восточных регионов (Яценко 1994 а: 201).

В последние годы разительно изменились представления специалистов о хронологии культуры «ранних сарматов», датировавшейся ранее IV-II вв. до н.э. Одни исследователи

склонны разделять раннесарматскую культуру на 2 этапа, второй из которых включает II-I вв. до н.э. (примерно с сер. II в. до н.э., заходя в 1-ю половину I в.н.э.: Скрипкин 1992: 22-37). Другие считают, что собственно прохоровская раннесарматская культура датируется фактически только этим временем (Зуев 1998 а: 16-19). Независимо от исхода этого спора, ясно, что речь идет о самостоятельном этапе в культурном развитии, который представляет большой интерес. Именно это время (с сер. II в. до н.э.) было периодом расселения «сарматских» племен в европейских степях (Полин 1992: 117-118) и установления там их политической гегемонии. Античные государства столкнулись с новой политической реальностью в лице сильных племенных объединений роксоланов и сатархов, а затем — аспургиан, аорсов и языгов. Сарматские правители выступают гарантами в международных договорах, как Гатал (Polib. XXV. 2. 12), серьезно влияют на события в Крыму, как легендарная Амага (Polyaen. Strat. VIII. 56), и активно участвуют в международной караванной торговле, подобно верхним аорсам.

Основные художественные центры иранских народов Сарматии

Сегодня можно отметить *четыре основных художественных центра* — в двух варварских странах северопонтийского региона — в прикубанской Сиракене (Strabo. Geogr. XI. 5. 2) и в т.н. «Scythia Minor» в Крыму, а также в Боспорском царстве и, в каком-то смысле — в Греко-Бактрии и раннеюэчжийской Бактрии.

1) *Сираки Кубани* особенно выделяются обилием роскошных аристократических погребений с богатым импортом. Знать этого племени утонула в роскоши не меньше скифской (о чем свидетельствуют, например, находки в единственном лишь *частично* ограбленном кургане «царского» ранга высотой около 15 м¹ у станицы Северской на Кубани) (см.: Смирнов 1953) и множество оригинальных (видимо, собственно сиракских или, если угодно — греко-сиракских) форм ювелирных изделий из золота — фибулы-броши со скульптурками баранов или зайцев, некоторые типы серег, оригинально оформленные гривны, браслеты, булавки и др. (см., например: Спицын 1909: рис. 10, 12; Анфимов 1987: фото на с. 183, 194, 201, 203-204, 207, 211, 219; Гущина, Засецкая 1989: таб. III, 53-54 и XIV, 72, 84; Ставиский, Яценко 2001: раздел 6. б).

В интересующее нас время сираки стали заниматься земледелием (Strabo. Geogr. XI. 2. 1) и начали частично оседать на землю, смешиваясь с соседями-меотами (Марченко 1988 а: 15-16). У сираков, кроме столицы — Успы, были и другие города («города не останавливают победителей»: Tacit. Annal. XII. 17). Из их среды выделяются и *собственные ремесленники* (например, группа местной гончарной керамики с зооморфными ручками имеет рецептуру керамического теста, не свойственную меотам) (Марченко 1988 б: 76).

Имея в виду сарматов, М.И. Ростовцев в свое время утверждал, что «самостоятельным и творческим центром культурного развития южнорусские степи (точнее — обитавшие там кочевые племена — С.Я.) сделаться не могли» из-за постоянных новых миграций восточных кочевников (Ростовцев 1918: 4). Сегодня ясно, что это имеет мало общего с действительностью (такие этносы, как сираки, сатархи или роксоланы «сидели» на местах многие века). Этот стереотип и ныне весьма распространен, хотя его сторонники обычно ссылаются на «принципиальную невозможность» организации производства торевтики и др. кочевниками и полукочевниками. А как же примеры развитого художественного литья у хунну, саков Семиречья и ранних тюрков? Реальные доказательства справедливости этой версии в литературе до сих пор отсутствуют. (Противоположное мнение см.: Harmatta 1950: 34-35; Трейстер 1994). В результате часто все примитивные, явно варварской работы фалары, но с использованием широко

распространенных в эллинистическом мире орнаментальных мотивов и плохой позолоты, *априорно* принимаются за произведения торевтов из эллинистических центров Боспора...

2) В последние годы предложены новые версии этнокультурной атрибуции ираноязычного населения т.н. «Малой Скифии» в Крыму во II-I вв. до н.э. Сейчас «скифы» и «тавроскифы» античных источников позднеэллинистического и раннеримского времени ряду исследователей уже не кажутся наследниками скифов-сколотов Геродота, осевшими на землю, как это полагал с начала 50-х годов П.Н. Шульц. Это версия отчасти опиралась на формальное прочтение позднеантичных источников с их консервативным и одновременно слишком расширительным толкованием макроэтнонима «скифы». Впрочем, уже в 60-х годах отдельные ученые пришли к выводу, что преемственности от геродотовых сколотов культура «Малой Скифии» не имеет (Вязьмитана 1969: 75-76). Попытки выявить большую серию элементов преемственности «от Великой Скифии» в деталях костюма, конструкции жилищ и др. (см., например: Высотская 1983: 9-24), к сожалению, обычно сопровождаются большими натяжками и не вполне корректными (особенно — по отношению к сармато-аланам) аналогиями, что только лишний раз демонстрирует их крайнюю незначительность. Это же касается и сюжетов местного искусства (Яценко 1992 б: 109-110)². Сегодня высказывается мнение, что следов постепенного оседания «скифов» в III-II вв. до н.э. в действительности не обнаружено (Щеглов 1998: 149). «Позднескифская культура», согласно этой версии, была явным новообразованием, созданным недавними *пришельцами*, в том числе — кочевыми, среди которых называют сатархов и роксоланов (Там же: 144-145, 150-151) (данная версия поддерживается и Ю.П. Зайцевым (Зайцев 1999: 140, 142-143), с той, однако, разницей, что сатархи предстают как враги «поздних скифов» и разрушители «скилурского» Неаполя — там же: 144). Независимо от исхода этой полемики (который для меня не имеет принципиального значения), ясно, что искусство местных варваров II-I вв. практически развивается весьма оригинально и в новом облике. Во 2-й пол. II в. до н.э. в «Малой Скифии» становится обширным городским центром Неаполь Скифский с монументальным Южным дворцом — предполагаемой резиденцией Скилура, где, несомненно, концентрировались и ремесленники (Зайцев 1995: 19-20). В Неаполе проживали отдельные греки, здесь были установлены статуи эллинистических богов, сооруженные на средства Посидея, Евмена и др. В источниках называется также несколько «царских крепостей». Скилур чеканил собственную монету, несомненно, бывшую в реаль-

ном обращении (Фролова 1964; Дашевская 1991: 21). Все это свидетельствует как об определенном развитии ремесел, так и об известной эллинизации этой небольшой страны.

3) Важную роль в производстве изделий в сарматском вкусе играли, несомненно, *города Боспорского царства*. Сам Боспор в это время впервые подвергся весьма поверхностной сарматизации, что наиболее ярко проявилось в костюме. У некоторых боспорцев появляются такие элементы кочевнической одежды, как запахиваемый налево кафтан, шаровары и специфические башлыки (Яценко 1984: 55; Яценко 1985: 26-27). У сарматов заимствуются типы поясных и портупейных пряжек, в том числе — восьмерковидные (Мошкова 1960: 307)³.

Большинство фаларов из сарматских погребений сегодня считается произведенными именно на Боспоре в т.н. «причерноморском графическом стиле» (Мордвинцева 1996 а: 12-14; Мордвинцева 1996 б: 111). В тех случаях, когда фалары из сарматских комплексов имеют эллинистический декор бордюров и розетки, но варварскую манеру изображения и бытовые реалии на них, принято думать, что они изготовлены в *боспорских городах варварскими мастерами* (см. о Федуловском кладе: Засецкая 1965: 34; о более поздних изображениях из Янчокрака и Кривой Луки IX: Мордвинцева 1996 а: 13; Мордвинцева 1996 б: 110-111). К сожалению, это предположение пока еще не сопровождается солидной аргументацией.

Между тем, если мы обратимся к *реалиям* таких изображений, неизбежно возникнет ряд недоуменных вопросов. Ограничусь здесь одним маленьким, простейшим примером. Персонажи в Янчокраке и Кривой Луке представлены в однотипной парадной нераспашной⁴ наплечной одежде, которая чрезвычайно специфична и не имеет аналогов на изображениях и в реальном костюме из погребений ни у сармато-аланов, ни у скифов. Этот совершенно нетипичный для Сарматии комплект представляет собой *верхнюю* короткую рубашу с короткими же (не доходящими до локтей) рукавами и нижнюю с более длинным подолом и рукавами до запястий. Края рукавов, ворота и подола обеих одежд при этом декорированы несколькими орнаментальными полосами. В изучаемое и более позднее (I-III вв. н.э.) время аналогия этим одеждам (их сочетанию, деталям силуэта и принципам декора) есть *только у одного этноса Евразии* — *юзчжей/кушан*, мигрировавших из Западного Китая и отвоевавших у греков Бактрию во 2-й пол. II в. до н.э. (мужская одежда: Rosenfield 1967: pl. IV, № 67; pl. 68, 123; The Crossroads... 1992: № 167; женская: Rosenfield 1967: pl. 98; Яценко 1989 б: рис. 16). Уникально для Сарматии и имеет прямое соответствие только в юзчжийской Бактрии и специфическое орнаментальное *оформление «лампасов»* на штанах (рельеф из Халчаяна: Treister, Yatsenko

1998: 63; note 138). *Прическа* криволюкских всадников (короткая стрижка без пробора с равномерно зачесанными назад волосами, без бороды) также демонстрирует один из наиболее популярных у юзчжей типов (см., например: Rosenfield 1967: pl. 41; Bussagli 1984: 73 (fig. 2), 91 (fig. 1), 192, 212; Древности... 1991: № 131). Она также не имеет аналогов ни на одном мало-мальски детальном изображении мужской прически Сарматии этого периода. В свете всего этого я бы не решился относить оба набора фаларов к работе «варварских» торовтов из *боспорских городов*, отражающих, якобы, «*местные*» реалии... Гораздо логичнее считать их либо изделиями юзчжийской Бактрии или (что пока кажется более вероятным) — переработкой отдельных бактрийских сюжетов их бывшими соседями в Средней Азии — европейскими сарматами.

Замечу, что ведущий сарматолог К.Ф. Смирнов, в отличие от ряда «античников», весьма сдержанно относился к боспорскому «вкладу» в этой области: «Изготовление фаларов на Боспоре *возможно*» (Смирнов 1984: 113). Подобная осторожность ряда авторитетных исследователей касается не только рассматриваемого периода, т.к. традиция приписывать боспорским мастерам большое число изделий подчас за 1-2 тыс. км от его границ сложилась давно. О III-V вв. н.э. А.К. Амброз не без иронии писал, что «широко распространена «мода» приписывать боспорским мастерским большинство золотых изделий, находимых на юге СССР от Поволжья до Казахстана... Долго было распространено мнение о боспорском влиянии на ювелирное искусство Силезии и Дании» (Амброз 1992: 9). Исходный импульс этим представлениям был дан, пожалуй, в работах М.И. Ростовцева (см., например: Ростовцев 1993: 39).

4) Долгое время господствовало убеждение, что ряд ювелирных изделий и, прежде всего, большая часть серебряных фаларов конской упряжи в примитивном греко-варварском духе были привезены в Сарматию *из Греко-Бактрии* (Тревер 1940). К.Ф. Смирнов высказывался уже осторожнее, признавая решающим лишь «индо-греко-бактрийский импульс» (Смирнов 1984: 112). Говоря о подобных «сложившихся стереотипах», В.И. Мордвинцева справедливо отмечала, что за фаларами III-I вв. до н.э. «негласно закрепилось представление об их греко-бактрийском происхождении, хотя принадлежность всех их к изделиям Греко-Бактрии проблематична и требует доказательства» (Мордвинцева 1994: 70).

Как показали работы этой исследовательницы, лишь единичные фалары с крайнего востока Сарматии (Южное Приуралье) могут быть действительно связаны с *Греко-Бактрией III-II вв. до н.э.* (Новоузенск: Тревер 1940: таб. 3-4; Володарка: Мордвинцева 1996 а: 12; Мордвинцева 1996 в). Зато сегодня мы располагаем се-

рией подобных фаларов, вполне достоверно найденных и, видимо, произведенных в юэжчийской Бактрии (Древности Таджикистана 1985: 78, № 221) ⁵, раннеэллинистическом (предполагаемый дар Александра Великого скифам из Александропольского кургана: Ростовцев 1993: таб. 1; Алексеев 1991: 12-13) и раннепарфянском Иране (Zimmermann 1990: 96, fig. 28) ⁶ и чуть позже — в державе индо-скифов в Гандхаре (Marshall 1951: 188-189). О необходимости крайней осторожности в этом вопросе свидетельствует беспрецедентное преувеличение роли бактрийского «художественного импорта» в Сарматии уже для следующего периода — I-II вв. н.э., практически не основанное на реальных фактах (Яценко 2000 б). К изделиям *пост-*

греческой Бактрии склонны относить кубанские фалары из станиц Северской (Смирнов 1953: 35) и Курчанской (Десятчиков 1973: 78).

Кроме того, немаловажно, *каким путем* фалары могли попасть в европейскую Степь (вероятнее всего — в качестве клановых реликвий мигрантов, трофеев или даров — скорее вместе с лошадьми с подобной сбруей — от правителей соседних стран у номадов — предков «сарматов» еще перед переселением в Европу). Привезенные на новую родину образцы могли стать объектом художественной *переработки* в сарматском вкусе не только греческими, но и меотскими, позднескифскими или сарматскими (Harmatta 1950: 34-35) «варварскими» мастерами Кубани или Крыма.

Методика исследования

Наиболее продуктивным представляется комплексное изучение всей сводки «раннесарматских» антропоморфных изображений по группам сюжетов, отдельным сюжетам и их вариантам ⁷ (периферийные персонажи в многофигурных композициях вроде фаларов из Курчанской не учитываются), далее — исследование распределения сюжетов по категориям вещей и по предполагаемым этно-политическим группировкам. Подобная работа для разных периодов истории Сарматии была впервые подготовлена 10 лет назад, в 1989 г., на уровне моих тогдашних знаний (Яценко 1992 а: 189-214) ⁸. Сегодня использованные в ней материалы и выводы данной статьи нуждаются в ряде дополнений и уточнений ⁹.

Среди прочего, скорректированы в сторону омоложения прежние датировки некоторых важных антропоморфных изображений. Так, ко II-I вв. до н.э. был отнесен ритон из дер. Мерджаны под Анапой, т.е. подтвердился подход Ю.М.Десятчикова (Виноградов 1993: 66). Так же можно датировать, в свете проделанной В.Ю.Зуевым работы (Зуев 1998 б: 149-150), кинжалы, изображенные на идольчиках клада 1900 г. из Сапогово в Южном Приуралье. *Хронологические рамки* нашей работы не заходят (насколько это возможно при нынешней точности датировок) в 1-ю пол. I в. н.э. (когда в Сарматии уже начинают проникать носители среднесарматской культуры).

При «сюжетном» рассмотрении нетрудно заметить, что все относительное богатство материала с гигантской территории Сарматии от Нижнего Днепра до Южного Приуралья на деле сводится к немногим, многократно встречаемым местным и античным сюжетам ¹⁰.

Антропоморфные изображения ираноязычного населения Сарматии II-I вв. до н.э., на мой взгляд, можно условно разделить на пять категорий. 1) Изделия явно «варварского» облика со специфически *местными* персонажами (от-

сутствующими у ираноязычных этносов Средней Азии и Ирана в указанное время). Они могли быть сделаны как мастерами соседних с сарматами оседлых племен (меотов, «поздних скифов», гетов и др.), так и мастерами «сарматского» происхождения, осевшими в поселениях названных этносов или в ставках «сарматских» вождей. 2) Изделия явно «варварского» облика с персонажами греческого пантеона, оформленные в эллинистическом духе (в числе которых — серебряные золоченые фалары). Они могут быть как произведениями мастеров юэжчийской Бактрии, парфянского Ирана или державы индо-скифов, так и подражаниями им, изготовленными уже в Сарматии. 3) Изделия греческой работы с «сарматскими» сюжетами. Их с полным основанием можно назвать произведениями *греко-сарматской торевтики*. В отличие от знаменитой греко-скифской торевтики V — нач. III вв. до н.э., в Сарматии II-I вв. до н.э. таких находок крайне мало (см. ниже: серебряный канфар из Воздвиженской; фибулы-броши со всадником с Беляуса и из Широкой Балки, пряжка из Лятошинки, рельеф со всадником из Неаполя) в силу ряда причин, о которых мне уже приходилось высказываться (Яценко 1994 а: 201-202). 4) Эллинистические изделия с собственно античными мифологическими персонажами, подобранные «сарматами» с особой целью (см. ниже). 5) Изделия с антропоморфными персонажами кельтского (Бубуечь: Полин 1992: рис. 9, 1-2) и иного «варварского» *неиранского* происхождения. В данной статье специально не рассматриваются ни декоративное оформление бордюров соответствующих изделий, ни сопровождающие фигуры животных.

Нелишне отметить, что предметы с человеческими изображениями встречены в Степи только в могилах знати или в особых ритуальных комплексах (святилище в Курганинске; комплект идолов, брошенных, видимо, в озеро у совр. села Ново-Бурино / Сапогово и т.п.). Вне

Прикубанья и Крыма их находили крайне редко (при том, что все рассматриваемые ниже регионы хорошо археологически изучены).

Судя по известным исторически и этнографически кочевым обществам, у обитателей Сарматии отсутствовала традиция изображать конкретных живущих или недавно умерших людей (надгробия этого времени пока не известны¹¹), и уникальный реалистический портрет Скилура и его наследника Палака (?) из Неаполя Скифского, заказанный греческому резчику (как и его изображение на монетах), только подчеркивает это правило (см.: Шульц 1946: рис. 22; Высотская 1979: 181; рис. 84).

Сегодня популярны версии о том, что на знаменитых изделиях номадов скифской и гунно-сарматской эпох представлены, якобы, непременно то эпизоды из реальных воинских подвигов заказчика или его недавнего предка (гребень из кургана Солоха: Алексеев 1994: 7; кубок из погребения 1 в Косике: Трейстер 1994) и приветствие царька на поле сражения его подчиненным (ритон из Карагодеуашха: Зуев, Левинская 1990: 198-199), то сексуальный контакт конкретного шамана-заказчика с богиней-покровительницей (ковер из кургана 5 в Пазырыке: Курочкин 1994: 62-63) или приветствие богини заказчиком-вождем (фалары из Галиче: Ростовцев 1993: 41). Эта особенно ясно обозначивша-

яся и интенсивно распространяющаяся в последние годы тенденция в целом (если рассматривать ее как явление, за редкими исключениями) представляется явно модернизаторской, слабо учитывающей специфику архаического сознания номадов (не случайно ни один из сторонников такой версии до сих пор не смог привести хотя бы один надежно документированный пример для кочевого мира древности или средневековья) (Яценко 2000 а: прим. 39). В данном случае речь, конечно, не идет о реальных исторических деятелях, ставших со временем эпическими героями (на это обычно требуется не менее 2-3 веков: см., например: Элиаде 1998: 71, хотя изредка это происходит в истории мирового фольклора и гораздо быстрее)¹². Несомненно, что в традиционном искусстве изображались, чаще всего, божества, эпические герои и легендарные предки. Характерно, что и в текстах известных кочевых эпосов и в предполагаемых эпических сценах античных номадов «индивидуальность» героя подчеркивается, главным образом, престижными украшениями его костюма, а еще чаще — декором упряжи богатырского коня (Яценко 2000 а).

Ниже представлен *посюжетный каталог* лишь с самыми необходимыми комментариями по отдельным, наименее известным или наиболее спорным изображениям или их деталям.

Основные антропоморфные образы и варианты их иконографии

БОГИНЯ ПЛОДОРОДИЯ (?) И ПОДЪЕЗЖАЮЩИЙ СПРАВА ВСАДНИК:

1. Богиня, сидящая на кресле, и подъезжающий всадник с ритонном в руке:

- (1) Мерджаны (Азиатский Боспор) (серебр. ритон) (Артамонов 1966: таб. 331)¹³ (рис. 1, 2);
- (2) окраина Екатеринодара (Краснодарский край), около 1890 г. (фрагменты серебряного канфара) (Яценко 1999 а: 283; рис. 1).

2. Богиня погрудно анфас, с подлетающими к плечам 2 птицами, справа подъезжает всадник. — (3) Галиче (Болгария) клад 1918 г. (2 серебряных наплечных фалара упряжи) (Ростовцев 1993: 41; таб. 2-3; Fettich 1953: 142-143; abb. 5-6) (рис. 1, 1).

3. Богиня стоит у алтаря; справа подъезжает всадник с ритонном в руке, над всадником — круг, над богиней — квадрат:

- (4) городище «Чайка» (Республика Крым) (каменный рельеф) (Попова 1974: 222-223; рис. 1).

Исследователи обычно подчеркивают малоазийские истоки иконографии образа сарматских и меотских «великих богинь» (Шауб 1999: 218). Это весьма вероятно для изображения из Мерджан.

ЗМЕЕНОГАЯ БОГИНЯ:

1. Стоит анфас, в поднятых над головой руках — полусферическая чаша:

- (5) Комарово (Сев. Осетия), курган 1/24 (золотые бляшки) (Гиджрати, Наглер 1985: рис. 5, 17; Яценко 1992 а: 190; таб. 8, 3) (рис. 3, 6).

Единственное в сарматскую эпоху изображение этого персонажа явно связано, скорее, не со Скифией, а с искусством меотов соседнего Прикубанья, у которых в IV в. до н.э. змееногая богиня («скифская Ора») фигурирует, в отличие от скифов, именно на золотых бляшках (станции Елизаветинская, Ивановская, Усть-Лабинская) (Бессонова 1983: рис. 22, 2; Анфимов 1987: фото на с. 127; Яценко 1992 а: 190). Вместе с тем, поза божества в Комарово наиболее близка изображению на греческом тазе из Чертомлыка (Алексеев и др. 1991: фото на с. 188); в результате переосмысления головной убор, которого оно касается воздетыми руками, превратился в чашу. Интересно, что изображение змееногой богини с двумя атрибутами в поднятых руках сохранялись на надгробиях потомков сарматов — осетин до XX в. (Андиев, Андиева 1960: рис. 1 на с. 232) (срав. ее образ в греческих надгробных памятниках Северного Причерноморья: Бессонова 1983: рис. 22, 1 и 3). Сложнее установить пути попадания этого образа к восточным славянам, в частности — на древнерусские амулеты — «змеевики» (см., например: Сапунов 1999: 205-206; рис. 4-5). Видимо, они попали сюда, как и ряд других куль-

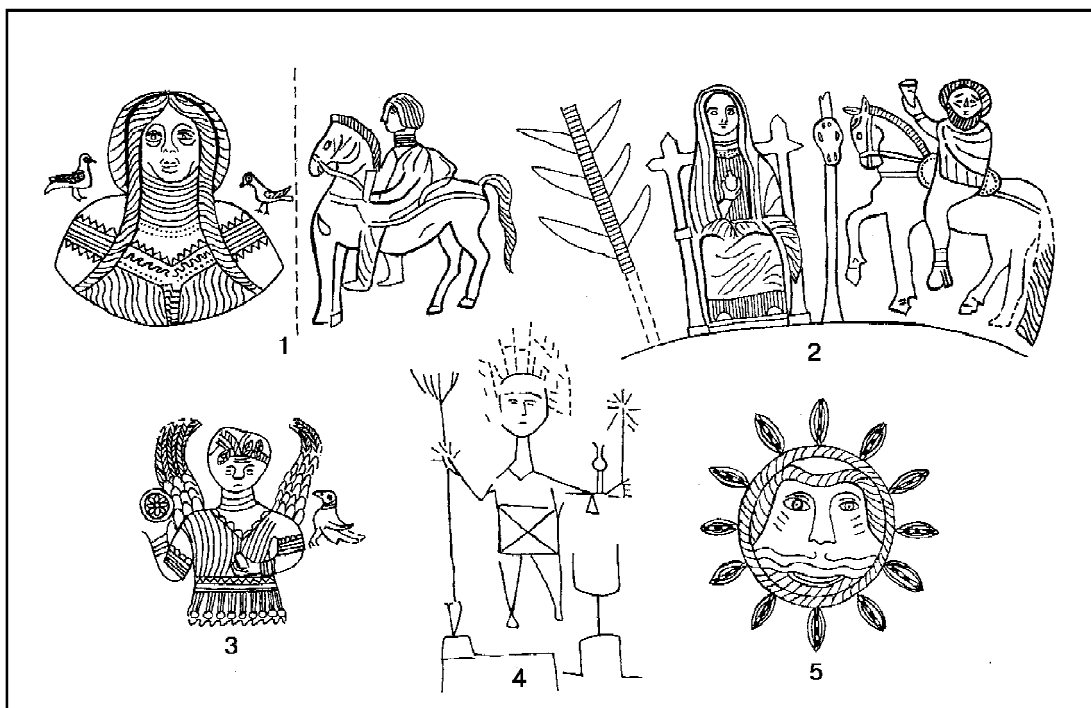

Рис. 1. 1 — Галиче (Болгария), клад 1918 г. (взаимосвязанная композиция на фаларах узды); 2 — Мерджаны (Краснодарского края), обложка ритона; 3 — Янчокрак (Запорожской обл.), клад 1906 г., фалар; 4 — «Тиха Хрисалиска», крепость аспургиан (Таманский полуостров), графитти; 5 — Балаклея (Харьковской обл.) клад 1929 г., фалар (1 тип из 4). 1-3, 5 — серебро; 4 — камень.

товых сюжетов (Яценко 1994 б: 87-88), позже — при посредничестве уже раннесредневековых аланов, которые обитали в Северном Причерноморье, по последним данным, в довольно большом числе до XV в. (см., например: Бубенок 1997: 110-115).

АФРОДИТА:

1. Афродита Пандемос верхом на козле восходит на звездное небо по лестнице, держит в руке чашу изобилия (по бокам бегут два козленка; над головой Афродиты — два Эрота, солнце и луна, напротив — Гермес с кадуцеем):

- (6) ст. Курчанская (Краснодарский край), 1971 г., случайная находка (серебряный фалар) (Десятчиков 1973: 78).

2. Афродита восседает на животном:

- (7) окрестности Керчи (Республика Крым) (бронзовая пластинчатая пряжка сарматского типа) (частная колл. Г. Аслияна, Москва) (Treister 1996: fig. 37).

3. Афродита-Анадиомена с дельфином у ног:

- (8) городище «Чайка», 1992 г. (С-3. Крым) (терракотовая статуэтка, фрагмент) (Попова 1994: 180).

4. Афродита Анадиомена, выжимающая волосы:

- (9) городище «Чайка» (Республика Крым), 1992 г. (терракота) (не опубликована).

5. Афродита стоит в профиль, опираясь на посох:

- (10) ст. Брюховецкая, курган 3/13 (золотая фибула-брошь с сердоликовой вставкой) (Ан-

фимов 1987: фото на с. 210; Шедевры... 1987: № 144; цв. вкладка).

6. Афродита обнаженная, прикрывающая рукой лоно:

- (11) Кара-Тобе (Республика Крым), 1993 г. (терракота) (не опубликована).

Сюжет с Афродитой Пандемос, поднимающейся на козле на небо, из Курчанской, вероятно, был выбран сарматами не случайно. Дело в том, что в осетинском языке существовало представление, что души умерших (живущие, по наиболее ранним представлениям, в верхнем мире, на лугу Курьис или Небесной равнине) разъезжают на козлах (Осетины... 1967: 162).

ТИХЕ:

1. Богиня в каплевидном нимбе стоит, со скипетром и посохом в руках («Тиха Хрисалиска»):

- (12) крепость аспургиан (Азиатский Боспор) (изображение на «закладном камне» крепостных стен) (Сокольский 1975: рис. 4) (рис. 1, 4).

2. Две стоящих рядом анфас Тихе с рогом изобилия в руке:

- (13) Беляус, могила 165/II (Крым) (серебряная фибула-брошь) (Дашевская, Михлин 1983: 145; рис. 9, 6 и 10, 3).

На рельефе из дома Хрисалиска в крепости аспургиан¹⁴ на Тамани богиня выгравирована, по-видимому, стоящей на краю крепостной стены. Здесь же помещена комментирующая изображение греческая надпись «Тиха Хрисалиска»

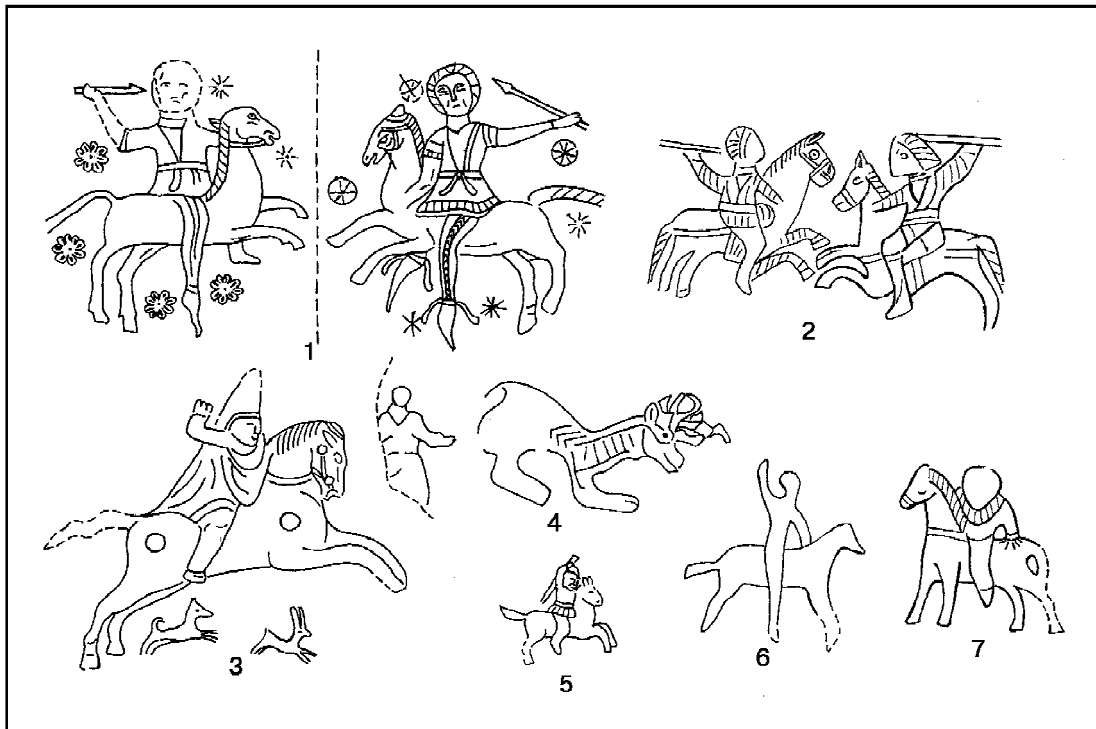

Рис. 2. 1 — Кривая Лука IX (Астраханской обл.), курган 1/17 (взаимосвязанная композиция на фаларах узды); 2 — Нижние Серогозы (Херсонской обл.), пряжка; 3 — Пантикапей, терракота; 4 — Кривая Лука VIII, курган 5/12, поясная накладка; 6 — Соколово II (Днепропетровской обл.), курган 1/1, фибула-брошь; 7 — Мечетсай (Оренбургской обл.), курган 3/11, пряжка. 2,4 — золото; 1 — серебро; 6-7 — бронза; 3 — глина.

и сарматская родовая тамга самого хозяина укрепления — Хрисалиска (самый ранний из достаточно узко датированных образцов такого рода у сарматской знати). В правой руке богиня держит посох со сложным, разветвленным навершием, а в левой — скипетр, от навершия которого исходит сияние (Сокольский 1975: рис. 4; Сокольский 1976: рис. 31). К иконографии греческой Тихи это варварское изображение не имеет, однако, прямого отношения; вероятно, это синкретический образ на основе сближения Тихи и иранского божества Hvareno (воплощения понятия «фарн»), связанного, помимо прочего, со счастливой судьбой почитателя (Сокольский 1976: 104).

Атрибуты в руках богини, судя по археологическим находкам этого времени, не являлись плодом фантазии резчика. Типологически сходные и близкие по размерам образцы были действительно свойственны знатным дамам соседнего сарматского племени сираков (Яценко 1991: 109-110). Так, посох, подобный атрибуту в руке «Тихи Хрисалиска», известен в нескольких могилах. Верхний конец такого железного кованого изделия (высота которого в Песчаном 1,09 м) украшался изображениями мирового дерева с семью ветвями и четырьмя оленями по бокам (Шедевры... 1987: № 50; фото на с. 122; Ждановский 1989: рис.34, 2; 35; The Treasures... 1991: pl. 75; Raev and oth. 1991: fig.

18). Нижний конец был заострен и иногда имел боковой шип для втыкания в землю¹⁵. Своеобразный небольшой скипетр из насаженного на рукоять древнего «громового орудия» известен у аристократов (например, Хатожукаевский аул: Гущина, Засецкая 1989: № 65).

НИКА¹⁶:

1. Стоит анфас с атрибутами в руках:

- (14) хут. Верхний (Краснодарского края), курган 4/2 (бронз. фалар, плакировка позолоченным серебром) (Шедевры... 1987: № 133; фото на с. 123 (нижнее в центре); Марченко 1996: 78-79).

2. Стоит, опершись на колонну, с атрибутом в руке:

- (15) хут. Песчаный (Краснодарского края), курган, погребение 10 (золотая фибула-брошь с сердоликовой геммой) (Анфимов 1987: фото на с. 204; Шедевры... 1987: № 173; цв. вкладка).

БОЖЕСТВО — «ХОЗЯИН ЗВЕРЕЙ»:

1. Сидит на стоящей в профиль лошади /«поженски»/, по бокам — обращенные к нему и /вставшие на дыбы/ крылатые кони со спирально закрученными собачьими хвостами:

- (16) Чистенькое (республики Крым), курган, находка в насыпи (железная пряжка с бронзовой плакировкой) (Колтухов, Тощев 1998: рис. 22, 5; Зайцев 1999, рис. на с. 141).

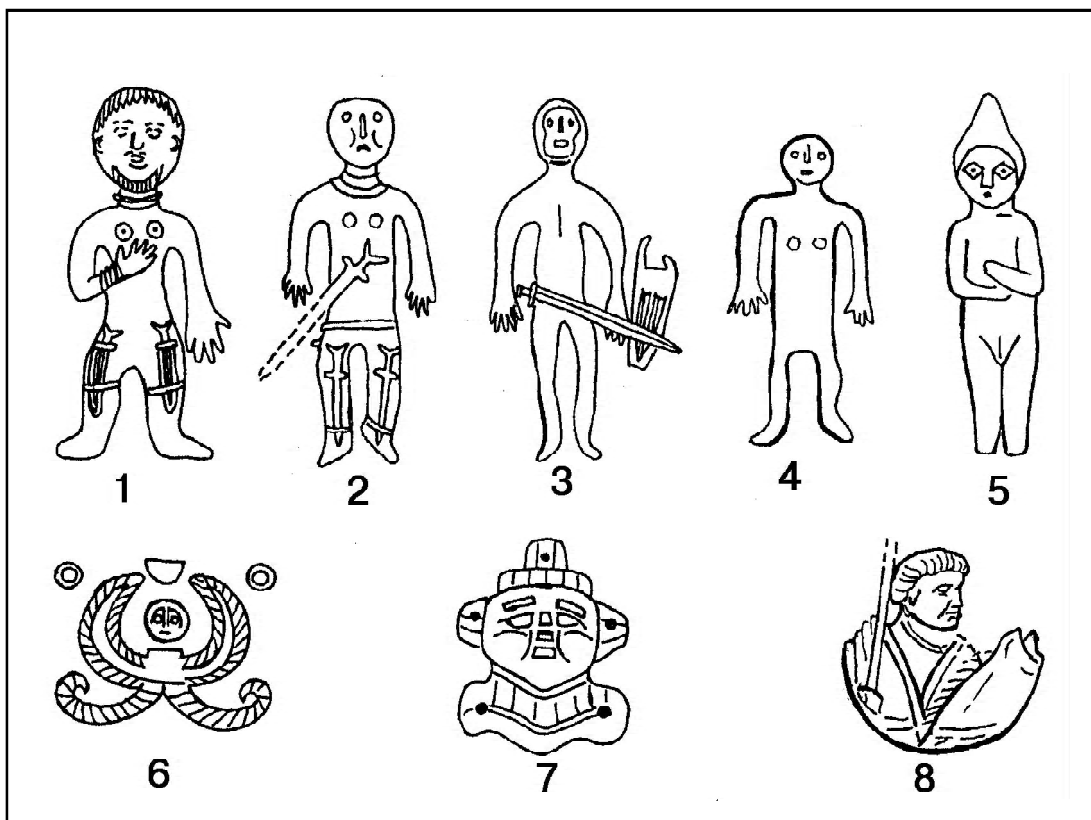

Рис. 3. 1-4 — Сапогово (Челябинской обл.), клад 1900 г. — типы идольчиков (4 из 8); 5 — Балабинский I (Ростовской обл.), курган 27/25, идольчик; 6 — Комарово (Северной Осетии), курган 1/24, бляшка; 7 — г. Новочеркасск, курган 1973 г., бляшка; 8 — Широкая Балка (Запорожской обл.), курган 2/11, фибула-брошь. 6-7 — золото; 1-4, 8 — бронза; 5 — кость.

Изображение на ажурной железной пряжке весьма примитивно и пока не имеет близких аналогий¹⁷.

ДВА ВСАДНИКА, СТОЯЩИХ ЛИЦОМ ДРУГ К ДРУГУ:

1. Между всадниками — зеленое дерево:

• (17) ст. Воздвиженская (Краснодарского края), курган, впускное погребение (фрагменты серебряного канфара) (Гущина, Засецкая 1989: 88, 101-№50; таб. IV, 50; Яценко 1992 а: таб. 14, 6)

Этот сюжет (несмотря на значительные утраты, он в общих чертах восстанавливается) имеет прототипом (включая разделяющее всадников зеленое деревце) известную сцену на ритоне IV в. до н.э. из Карагодеуашха в той же «варварской» части Прикубанья. Впрочем, в Воздвиженской деревце находится за спинами персонажей, а не между ними. Этот сюжет, как известно, не выводится из античной иконографии и не известен на территории Скифии. На обоих изображениях, а также на более поздних надгробиях Пантикапея и Фанагории I-II вв. (одно пантикапейское надгробие I в.н.э. практически во всех деталях, кроме трупов убитых и дерева, передает созданную 5 веков ранее композицию: Kieseritzki, Watzinger 1909: № 683), левый персонаж является объектом привет-

ствия, а точнее — преклонения (стоит на особом постаменте, держит скипетр одной рукой, сосуд — другой и т.п.). Ю.А. Виноградов видит в этой сцене адорацию не конного бога, а некоего эпического героя-победителя, готовящегося вступить в священный брак с богиней (образ которой в западной камере кургана, как известно, отсутствует) (Виноградов 1993: 70). К сожалению, ему остались неизвестными как иконографические аналогии этой сцене в целом на Боспоре в последующее время, так и левому персонажу с его атрибутами на согдийских терракотах, а его мнение о том, что он держит не скипетр, а копье (Там же: 69), пока не получило поддержки (см. подробнее: Яценко 1992 а: 196-197; Яценко 1999 а: 283).

ВСАДНИК:

1. Скачет с поднятым дротиком вправо:

• (18) Неаполь Скифский (Керменчик) (Республика Крым), случайная находка (каменный рельеф) (Шульц 1946: рис. 19; Высотская 1979: 182; рис. 85) (прямой пробор, волосы до плеч, нераспашная одежда — до бедер, свободные штаны резко сужаются внизу, не заправлены: «конный Палак»).

• (19) Соколово II, курган 1/1 (бронз. фибула-брошь) (Днепропетровская обл.) (Костенко

1979: 192-199; рис. 3, 2; Смирнов 1984: 107; рис. 50, 2) (рис. 2, 6);

- (20) Тавель (Республика Крым), курган 2 (бронзовая фибула-брошь) (Дашевская 1991: рис. 65, 3).

2. Скачет, замахиваясь мечом ¹⁸:

- (21) Беляус (Республика Крым), могила 90, скелет IX (бронзовая фибула-брошь) (Дашевская, Михлин 1983: 138-139; рис. 5, 14) (рис. 2, 5).

2. Скачет с собакой на зайца («охотник»):

- (22) Пантикапей, курганы 1886 и 1913 гг. (терракоты II-I вв. до н.э.) (Силантьева 1974: 34-35; рис. 46, 1,3);

- (23) Фанагория, 1954 г. (терракоты) (с I в. до н.э.) (Кобылина 1974: 27; рис. 29, 1);

- (24) Таманский толос (Таманский п-ов) (терракота) (Сокольский 1976: рис. 58, 3).

3. Стоящий:

- (25) Мечетсай (Оренбургская обл.), курган 3/11 (бронзовая пряжка) (Смирнов 1975: рис. 34, 9) (рис. 2, 7);

- (26) Мирмекий (терракота) (Пругло 1977: 178; рис. 1, 1).

Образ скачущего с копьем вправо всадника, несомненно, имеет греческие прототипы. В их числе — более ранние изображения IV-II вв. до н.э., найденные в Северном Причерноморье. Например: надгробие IV в. до н.э. из Фанагории (Kieseritzki, Watzinger 1909: № 559), скифские бляшки из кургана Куль-Оба (Артамонов 1966: таб. 253,255) серебряные бляшки из Федуловского клада под Таганрогом (Спицын 1909: 23; рис. 48; Берхин 1962: 37-39; Засецкая 1965: рис. 6; Мордвинцева 1996 а: 11,19) ¹⁹ и в тризне могилы 140 Тенгинского могильника на Кубани (стеклянная подвеска в золотой оправе, раскопки Е.А. Бегловой 1998 г.) ²⁰.

Из изображений конного воина с дротиком наиболее интересны в плане реалий созданные в античном духе образцы из Малой Скифии — из Неаполя Скифского (волосы до плеч с прямым пробором, нераспашная одежда длиной до бедер, свободные штаны, резко сужающиеся внизу и не заправленные в обувь) и Беляуса (на степной лошади, в колпаке и кафтане; левой рукой держит уздечку, правой — копье).

«Колоритный культ» скачущего варварского всадника — «охотника» в Северном Причерноморье (прежде всего — на Боспоре) сложился как раз во II-I вв. до н.э. под непосредственным влиянием кочевого мира (Крыкин 1986: 79-80; Крыкин 1993: 212; 201-202 — сводка разновременных находок) и к концу I в. до н.э., возможно, даже стал государственным (Пругло 1977: 182). Нет смысла искать его истоки во Фракии (Крыкин 1993: 17). Спокойно стоящий всадник также выводится из греческой иконографии (Там же: 212), но в наших случаях имеет кочевнические костюм и другую экипировку. В отличие от персонажа на скифских бляшках, сарматский «охотник» — безбородый юноша. На боспорских терракотах фигура охотника ча-

сто дополняется не только зайцем, но и бегущей собакой (рис. 2, 3); изредка он держит в руках уже пойманного зайца (Яценко 1992 а: 198-199). Весьма вероятно, что речь идет о сарматском мифо-эпическом сюжете. Прежде всего, вспоминается сохранившийся в осетинском нартском эпосе обломок древнего мифа о поимке Хамыцем на краю земли в образе белого зайца своей будущей жены — богини Бценон, на который впервые обратил внимание еще В.Ф.Миллер (Там же: 196).

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ЭПИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ С ПОЕДИНКОМ ²¹:

1. Поединок двух всадников-копейщиков (правый персонаж акцентирован атрибутами):

- (27) Кривая Лука IX (Астраханская обл.), курган 1/17 (серебряные фалары) (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1981: 102-103; рис. 2-3) (рис. 2, 1);

- (28) Нижние Серогозы (Херсонская обл.) (индикация золотой пряжки) (Ростовцев 1913: таб. LXXV, 3) (рис. 2, 2).

2. Мужчина ловит арканом (?) гигантского хищника с рогами оленя:

- (29) Кривая Лука VIII (Астраханская обл.), курган 5/12 (золотая накладка пояса) (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1989: рис. 1, справа) (рис. 2, 4).

3. Мужчина ведет на поводу коня (золотая накладка пояса)

- (30) Там же (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1989: рис. 1, слева).

4. Богиня (Афина/Ордохшо) борется с гигантом; слева — отрубленная голова другого гиганта:

- (31) хут. Северский, 1881 г., В.И. Сизов (Смирнов 1953: 32, 37, 41-42; таб. VIII; Анфилов 1987: 183-18; фото на с. 176, 188-189) ²².

Из этих оригинальных (и явно сделанных варварским мастером) сцен особенно интересно изображение в Кривой Луке. Здесь из двух сражающихся безбородых всадников симпатии заказчика явно на стороне правого персонажа (его противник скромнее одет и имеет уродливого коня). Поединок носит почти космический характер, т.к. происходит на фоне звезд и солярных знаков. В нартском эпосе осетин есть один «подходящий сюжет» об итоговом поединке солярного героя Сослана и выходца из нижнего мира Тотраза в дни будущей гибели мира (Яценко 1992 в: 68).

Изображение на поясной накладке из Кривой Луки VIII представляет большой интерес в плане восточных (сакских) иконографических параллелей. Монстр, представляющий собой кошачьего (тигра) с рогами оленя, изображался в пазарыкской культуре Алтая (Туэкта, курган 1: Руденко 1960: рис. 87), а после завоевания Бактрии юэжчами — на золотых ножнах кинжала в могиле 4 в Тилля-тепе (Sarianidi 1985: pl. 162, 166). У пазырыкцев известно и представ-

ленное на криволюкском поясе сочетание двух сюжетов с подвигами героя рядом, на одной стороне предмета — герой с лошадью, которую он держит за повод стоящей (или лежащей, если он сам лежа подкрадывается), и поединок пешего героя с опасным хищником (см. ритуальный кинжал с р. Ачик: Суразаков 1979: рис. 2,а).

ПОГРУДНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ МУЖСКОГО ПЕРСОНАЖА:

1. Изображение анфас:

- (32) г. Новочеркасск (Ростовская обл.), курган 1973 г. (золотые бляшки края женского покрывала) (Максименко, Савченко 1984: 157; Яценко 1992 а: рис. 6 (7)) (рис. 3, 7)²³;

- (33) Лятошинка (Волгоградская обл.), курган 6/2 (бронзовая восьмеркообразная пряжка) (Железчиков, Фалалеев 1995: рис. 19, 3);

- (34) Ильтуганово (Башкирия), случайная находка 1956 г. (бронзовая восьмеркообразная пряжка) (Садыкова 1962: 270; рис. 8, 2).

2. Изображен в полупрофиль, с копьем в правой руке, одет в кочевнический кафтан, верхом на лошади:

- (35) Широкая Балка (Запорожская обл.), курган 2/11 (серебряная фигула-брошь со щитком в высоком рельефе) (Евдокимов, Куприй 1992: 10; рис. 7, 4-5) (рис. 3, 8)²⁴.

ИДОЛЬЧИКИ²⁵:

а) мужские:

1. Стоящий мужчина анфас:

варианты: с парой кинжалов на бедрах, правая рука прижата к груди, на шее — золотая миниатюрная гривна (рис. 3, 1); стоит, вытянув руки вдоль туловища, с мечом у пояса и двумя кинжалами у бедер (рис. 3, 2); с мечом у пояса, кинжалом у правого бедра и колчаном — у левого; сходный с предыдущим, с мечом и колчаном, но без кинжала (рис. 3, 3); без атрибутов: с круглой (рис. 3, 4) и уплощенной головой:

- (36) Сапогово (Ново-Бурино) (Челябинская обл.), 1900 г. (бронзовые фигурки) (Зуев 1993: рис. 1-2; Яценко 1999: 284-285; Яценко 2001 а) (рис. 3, 1-4).

2. Всадник на быке:

- (37) Курганинск (Краснодарский край), курган 1986 г., святилище (бронзово-железная статуэтка) (Закубанье) (Каминский, Берлизов 1987: 47-48; Берлизов и др. 1995: таб. 4 в; № 97).

3. Обнаженный мужчина с поднятыми вверх и разведенными в стороны руками:

- (38) хут. Чернышев, Серегинский курган 1/17 (бронзовая подвеска) (Шедевры... 1987: № 141; фото на с. 129, слева).

б) женские:

4. Колени слегка подогнуты, руки сложены на груди:

- (39) Балабинский I (Ростовская обл.), курган 27/25 (известняк, прическа прочерчена краской) (Узанов 1997 а: 373; Узянов 1997 б: рис. на с. 122);

- (40) Там же (кость, в головном уборе) (Узянов 1997 а: 370; альбом д, рис. 1196-1199; Узянов 1997 б: 122) (рис. 3, 5).

в) неопределенного пола:

5. Фигурка со схематично выделенными головой и рукой:

- (41) Кара-тобе (Республика Крым), 1992 г., помещение 16, полевой № 2138 (известняк) (не опубликована).

6. Имитация античной терракоты; стоящий анфас:

- (42) Кара-Тобе (Республика Крым), 1993 г., полевой № 2619, фрагмент (на деревянном каркасе) (не опубликована).

Идолы из с. Сапогово весьма детально описаны и интерпретированы (Зуев, 1993: 95-102; Яценко 1999: 284-285). Этот набор из бронзовых фигурок 8 типов, видимо, был создан в Южном Зауралье протоугорским мастером по заказу «сарматской» знати. Мною уже отмечались сибирские истоки иконографии элементов некоторых из образов данного комплекта. Наиболее простые, лишённые атрибутов типы сапоговских бронзовых фигурок (Ж и Д по В.Ю.Зуеву) имеют довольно близкие аналогии в металлической пластике аборигенов урало-приобского региона вплоть до XX в. (см., например: Иванов 1970: рис. 41, 2). Однако сказанное не означает, что набор сапоговских идолов отражает именно идеологию *угорских* соседей сарматов. Напротив, его можно сопоставить (по облику персонажей, подчеркиванию на них парадных гривен и кинжалов «раннесарматского» облика) только с синхронной серией антропоморфных кочевнических изваяний плато Устюрт (святилища Байте).

По мнению В.Ю. Зуева (Зуев, 1993: 99,101) здесь изображены, фактически, отчасти предшественники разных слоев местного кочевого общества. На наиболее значимом в наборе типе фигурок переданы парадные многовитковые браслеты, на шее — миниатюрные гривны из золотой проволоки, детально изображена прическа. У бедер подвешены 2 однотипных кинжала (уникальный случай в искусстве ранних кочевников!) (рис. 3, 1). «Человечек» передан в очень редкой для раннекочевнического искусства «танцующей» позе (по В.Ю. Зуеву — поза всадника). Все это представляет большой интерес и еще нуждается в более детальном осмыслении²⁶.

Фигурка всадника верхом на быке из святилища в Курганинске имеет прямую аналогию в осетинском язычестве: иранцы так представляли себе (верхом на диком быке) божество — громовежца, покровителя земледелия (что немаловажно для сираков — единственного сарматского этноса, активно занимавшегося земледелием (Strabo. Geogr. XI. 2. 1) (Яценко 1992 а: 199). Датировка этого кратковременного святилища менялась: сегодня Н.Е. Берлизов склонен относить к середине I в. до н.э. (Бер-

лизов 1999: 15), а не к самому концу I в до н.э. — I в. н.э., как ранее (Берлизов и др. 1995: 122-125), то есть он вернулся к собственной первоначальной датировке (Каминский, Берлизов 1987: 47-48).

Два идольчика из погребения девочки в Балабинском I на левобережье Нижнего Дона имеют характерную позу со слегка подогнутыми ногами и сложенными на груди руками²⁷. Скульптурки положены рядом с хозяйкой в той же позе и на том же боку, что и она²⁸. Вероятно, типологически сходные идольчики с расписным лицом известны в женских могилах кочевников античной Ферганы (могильник Ташрават) (Брыкина, Трунаева 1995: 76-78). В связи с этим важны бытовавшие еще недавно в Средней Азии представления о том, что при определенном состоянии трупа к моменту похорон («мягкое» тело) он мог увлечь с собой в могилу кого-то из близких или друзей, и, чтобы это не произошло, ему в могилу клали специальную куклу-«спутника» (Брыкина 1987: 55-57; Брыкина, Трунаева 1995: 79-80; Яценко 1996 б: 143).

Каменная фигурка из Кара-Тобе высотой около 40 см и шириной до 35 см переделана из нижнего выступа-шипа более древнего скифского изваяния. Она найдена в жертвенной ямке под полом жилого здания вместе с костями барана. Идольчик при этом упал головой вниз (возможно — случайно). Терракотовый идольчик с того же городища сохранился плохо (уцелели только голова и правое плечо). Ширина в плечах была около 7 см. На лице нос изображен рельефным защипом, глаза и рот — небольшими круглыми налестками. Голова сзади уплощена, лицо выступает округло.

БОГ СОЛНЦА (АПОЛЛОН, ГЕЛИОС И «САРМАТСКОЕ» БОЖЕСТВО):

1. Голова в сиянии (серебряные фалары):

• (43) Балаклея, 1929 г. (Харьковская обл.) (Смирнов 1984: 84; рис. 37, 3-4; 38, 1-2, 4) (рис. 1, 5).

2. Голова Гелиоса анфас в сиянии (греческая иконография):

• (44) хут. Элитный (Краснодарский край), 1977 г. (золотой медальон) (Анфимов 1986: 191; рис. 1, 4; Анфимов 1987: фото на с. 200);

• (45) ст. Старо-Титоровская (Краснодарский край), курган 2 1845 г. (серебряные фалары) (Десятчиков 1973: 77).

3. Юный Аполлон (?) погрудно анфас:

• (46) Неаполь Скифский (Республика Крым), Мавзолей, каменная гробница (золотые бляшки) (Шульц 1953: 22; таб. I, а; Зайцев 1994: 96).

4. Аполлон в плаще, стоит с лирой:

• (47) Тенгинский могильник (Краснодарский край), погребение 177, раскопки Е.А. Бегловой 1999 г. (золотая подвеска к ожерелью с геммой)²⁹.

5. Изображение божества по бедра, анфас, в лавровом венке. В правой руке — круглый предмет с солярной розеткой (фиала?), в ле-

вой — неясный предмет («плод»); слева подлетает птица (голубь?):

• (48) с. Янчокрак (Запорожская обл.), клад 1906 г. (серебряный фалар) (Гущина 1969: 44; рис. 1, 1; Смирнов 1984: 104, 110-113; рис. 48) (рис. 1, 3).

Полуфигура Аполлона в окружении коней представлена еще в III-II в. до н.э. на бляхе из Федуловского клада (Спицын 1909: рис. 45). Популярность, наряду с Аполлоном, образа Гелиоса соответствует и синхронной информации по парфянскому Ирану: там Митра ассоциировался именно с Гелиосом (Strabo. Geogr. XV. 3. 13). На Боспоре в образе Митры-Гелиоса на золотой пластине, возможно, был изображен выходец из сарматского мира царь Аспург (Астахов 1986: 14).

Персонаж на фаларе из Янчокрака (рис. 1, 3) сочетает в себе элементы иконографии эллинистических и греко-варварских божеств с добавлением специфических варварских бытовых реалий (см. выше). Это затрудняло даже определение его пола, не говоря уже о связи с конкретным греческим или греко-иранским прототипом. М.И. Ростовцев видел в этом персонаже «Митру в виде иранизованного Аполлона» в сочетании с элементами иконографии крылатого гения Suragna и приводил ряд кушанских (более поздних) иконографических параллелей (Ростовцев 1993: 45).

Позже К.В. Тревер считала янчокракское божество сходным с изображением бактрийской «Ники» — Хванинды эллинистического и кушанского времени с элементами иконографии Тихе (Тревер 1940: 64-67; таб. 13) (фактически, основанием для этого являлся только предполагаемый плод (?) в левой руке) и даже допускала, что в руке божества может быть колесо римской Фортуны (Там же: 65-67). Присоединившись к ней, И.И. Гущина считала этот персонаж «великой богиней» (Гущина 1969: 49). Эта версия возникла, к сожалению, из-за недостаточного знакомства с иконографией Аполлона. В самом деле, именно у Аполлона мы видим, как и в Янчокраке, в поднятой правой руке круглый предмет, а в левой — какой-то небольшой плод (Lexicon... 1984: Apollo: №53). В другом иконографическом варианте он, как и в Янчокраке, держит в правой руке фиалу (см. также №449; в других случаях это бронзовый диск: Ibid.: №302 g), а рядом, у его плеча находится птица³⁰ (Ibid.: №455). Венок на голове на нем видим не только в ипостаси кафедреда (Ibid.: №332 a). Что касается *сарматской богини* с парой подлетающих к плечам птиц на фаларе из Галиче и в более позднее время — на золотой диадеме I-II вв. из кургана Хохлач (Treister, Yatsenko 1998: fig. 15), то при ней изображены *две птицы*, а не одна (к тому же это явно — хищные орлы)³¹.

На щеках солнечного божества с фаларов из Балаклеи в одном случае изображена татуировка в виде трех параллельных полос на каж-

дой щеке. Сходная татуировка изображена на щеках солярного божества со щитка золотого перстня местной работы из сакского кургана IV-III вв. до н.э. Иссык в Семиречье (Акишев 1983: фото на с. 103).

ДИОНИС:

1. Сидит на пантере сзади (фалары)³²:
 - (49) Таганрог (Ростовская обл.), 1897 г. (1 из 6 серебряных позолоченных фаларов) (Спицын 1909: 27; рис. 54; Смирнов 1984: 74-75)³³;
 - (50) хут. Северский (Краснодарский край), 1881 г. (Смирнов 1953: 32, 37, 41-42; таб. VIII; Анфимов 1987: 183-18; фото на с. 176, 188-189).

ОТДЕЛЬНЫЕ ГОЛОВЫ И СЕРИИ ГОЛОВ МОЛОГОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ АНФАС:

1. Мужская голова; женская голова:
 - (51) г. Кореновск (Краснодарский край), курган 1968 г. (серебр. фалары в ведерке) (Анфимов 1987: 181; фото на с. 198-199; Марченко 1996: 79-80).
2. Мужская голова:
 - (52) с. Бубуечь (Молдова), клад (бронзовые фалары?) (Полин 1992: 50-53; рис. 9, 3-4); — (53) с. Великопоское (Одесской обл.), «клад» 1964 г. (бронзовая бляха) (Полин 1992: 53-55; рис. 10, 8).
3. Мужская усатая голова; левее — отрубленная рука с предплечьем, сжимающая другую отрубленную голову (ряд изображений):
 - (54) Зубовский курган (Краснодарского края). колл. Университета Филадельфии (золотая фибула-брошь) (From the Land... 1975: №13).
4. Голова Горгоны:
 - (55) хут. Верхний, курган 4/2 (фалар бронз., плакировка позолоченным серебром) (Шедевры... 1987: № 132; фото на с. 123, верхнее в центре; Марченко 1996: 78-79).
5. «Голова гиганта»:

- (56) хут. Северский (Краснодарского края), 1881 г. (Смирнов 1953: таб. VIII; Анфимов 1987: 183-18; фото на с. 176, 188-189).

6. Две-три головы в ряд:

- (57) с. Бубуечь (Молдова), клад (бронзовые подтреугольные пластины) (Полин 1992: 50-53; рис. 9, 1-2);
- (58) городище «Чайка» (Республика Крым), глиняный лепной сосуд (две головы, переданных налепами) (Попова 1996: 76; рис. 4).

Традиция изображения отдельной головы анфас, несомненно, восходит в Прикубанье к более ранним (III-II вв. до н.э.) бляшкам и золоченым глиняным медальонам с изображением отрубленной головы Горгоны Медузы (Шауб 1991; Малышев 1992: рис. 2; Шедевры... 1987: № 139), к фаларам с аналогичным образом (Атаназовская, 1900 г.: Спицын 1909: 19-21; рис. 16, 21, 25)³⁴ и к бляшкам IV в. до н.э. (где отрубленную голову держит в руке змееногая богиня с иконографией Кибелы). Предполагается связь этого образа с заупокойным культом (Малышев 1992: 53-54) или мужским воинским (Шауб 1987: 16). Культовые действия с отрубленной головой совершались и боспорскими греками рубежа IV-III вв. до н.э. (Масленников, Бужилова 1999: 175-179).

Более корректно, видимо, говорить об особом отношении к *отрубленной* голове, близком по содержанию у многих народов мира. В этом смысле важен фрагмент греко-синдского надгробия необычного облика, найденного в 1988 г. на поселении IV-II вв. до н.э. на древнем острове дельты Кубани у нынешней ст. Благовещенской. На нем представлен персонаж, держащий в правой руке отрубленную мужскую голову анфас (любезная информация А.М. Новичихина, май 1994 г.). В том же контексте можно воспринимать находку латенских (?) бронзовых фаларов узды из клада в с. Бубуечь в Молдове (Полин 1992: 50-53; рис. 9, 1-4).

ВЫВОДЫ

Рассмотрение по сюжетам выявляет *разительные отличия* их набора во II-I вв. до н.э. у ираноязычных народов Сарматии как от более ранних скифов-сколотов, так и сармато-аланов среднесарматской и позднесарматской культур. Куда исчезли столь хорошо известные в Скифии изображения Геракла, Афины, Ахилла, Пана, силенов, менад, сирен, сфинксов и нерид (Горгона и Змееногая богиня «сохранились» только в Прикубанье и соседнем Центральном Предкавказье) (ср.: Раевский 1985: 163-179)? Им на смену пришел *совсем другой* набор греческих божеств, ассоциируемых с божествами новых пришельцев (прежде всего — Афродита и Аполлон или Гелиос, реже — Тихе, Ника и Дионис)³⁵.

Появились новые собственно сарматские сюжеты — скачущий и стоящий всадники с оригинальной иконографией, оригинальные эпичес-

кие (?) сцены поединков, очень разнообразные по облику идольчики, а также отдельные личины и погрудные изображения, «хозяин зверей». Единичные сюжеты, известные еще в скифское время у *меотов* (два всадника, стоящих лицом друг к другу; змееногая богиня) сохранились, естественно, *только в Прикубанье* (и прилегающем Центральном Предкавказье); однако эти сюжеты воплощены иначе, с другими бытовыми деталями и т.п. В этом смысле нужно серьезно уточнить популярное до сих пор заявление, что «сарматы не принесли с собою ни новых видов памятников, ни новых принципов изображений» (Сокольский 1967: 203). Действительно, искусство непосредственных предков «ранних сарматов» было, вероятно, в плане антропоморфных образов *почти аниконическим* («не считая» разнообразных идольчиков, не известных скифам). Однако уже на их средне-

азиатской (или даже южносибирской?) прародине они, несомненно, были знакомы с искусством Греко-Бактрии и Парфии. Часть необходимых антропоморфных изображений могла быть заказана или получена от греческих, юэчжийско-бактрийских и парфянских соседей еще в Средней Азии. Позже контакты с соседними Боспором и меотами позволили воплотить гораздо большее число образов давно известных божеств и эпических героев. (Не забудем, что внешний облик подобных персонажей часто детальнейшим образом *устно описывается* в мифах и эпосе кочевников, и пока нет никаких оснований видеть в этом только описание сделанных «цивилизованными» соседями *предметов торевтики* и т.п.: Яценко 2000 а).

Позже, в сер. I — сер. III вв. н.э., картина опять радикально меняется. С приходом аланов и ряда других племен мы видим совершенно новый набор греко-римских божеств — Эрта, Силена и Афину/Минерву, причем только в погребениях знатных *женщин* (Яценко 1996 в: 19-20). «Туземные» образы также почти все *совершенно иные*³⁶, прежде всего — восседающий на барсе бог-«монголоид», барано-люди, усмиряющие китайского дракона, сидящий по-турецки мужчина с сосудом в руках, бог со звериными ушами, охота на кабана, птиц или грифона, скачущий всадник с плетью в руке, богиня с древесным листом в руках и т.д. (Яценко 1992 а: таб. 1, №№ сюжетов 1,7-8,14-16,19,22-27, 29-30, 32-34,37,39,42).

Категории изделий

Всего учтены 54 комплекса с находками антропоморфных изображений в сарматских и «позднескифских» погребениях и других ритуальных комплексах, в ряде городов и крепостей Боспора и Малой Скифии а также — изделий сарматских типов и с сарматской иконографией — на территории боспорских городов и крепостей. Более трети изделий (20) относится к предметам костюма, почти исключительно — женского (видимо, к ним следует добавить некоторые идолячки, носившиеся в ожерелье). Из отдельных категорий изделий на первом месте стоят фалары узды (12). Фибулы-броши — 8; идолячки — 8; пряжки — 7; терракоты античного производства — 5; бляшки золотые и бронзовые — 4; сосуды (ритоны, канфары, лепные керамические) — 4; каменные рельефы — 3; подвески и медальоны ожерелий — 2.

Около половины антропоморфных изображений, найденных вне боспорских поселений (24 из 49), в отличие от предшествовавшей скифской эпохи, вписано в круг (т.к. предназначалось для таких типов изделий, как фалары узды, фибулы-броши, медальоны и др.).

Интересно, что предполагаемые сцены из эпоса (или те иноземные изображения, которые явно могли так восприниматься) с единоборством двух воинов (Кривая Лука IX, Северская) встречены на узде I типа по классификации В.И.Мордвинцевой (Мордвинцева 1998: 55-56; рис. 3, 1). Напротив, погрудные или поясные изображения мужских и женских божеств анфас (Балаклея, Кореновск, Янчокрак) известны только на узде II типа (Там же: 56-60). Все эти сильновыпуклые фалары, по мнению И.И. Марченко, изготовлялись не позже сер. I в. до н.э. (Марченко 1996: 81).

Племенная специфика

Определение этноплеменной принадлежности находок на сегодняшний день во многих районах может быть лишь *приблизительным*. Находки территориально распределились следующим образом. Предполагаемые земли сираков в Прикубанье (отчасти — аспургиан и дру-

гих мелких племен) — 16 (именно здесь найдены все массивные *золотые* изделия — фалары, броши, медальоны и подвески)³⁷; Малая Скифия — 12; Нижнее Поволжье и Южное Приуралье (занятое объединением верхних аорсов) — 7; территория собственно Северного Приазовья (к востоку от Сиваша) и северная часть днепровского степного Левобережья, а также находки к западу от Днепра (Нижний Днестр и Фракия), вероятно, связанные с языгами³⁸ — 6; южная часть левобережья Нижнего Днепра (территория роксоланов) — 3; Нижний Дон (земли аорсов) и, возможно, Центральное Предкавказье³⁹ — 3.

1. Сираки

Этот этнос, как уже отмечалось, занимает первое место по «антропоморфизации» искусства. Некоторые сюжеты встречены только здесь и неоднократно (изображения богини на троне и подъезжающего всадника, а также двух стоящих напротив всадников на серебряных сосудах; Ника и Гелиос на изделиях греческой работы; изображения отдельных *голов* античных персонажей, неоднократно встречены Афродита и Аполлон. Большинство антропоморфных образов представлено на фаларах, а также на фибулах-брошках, серебряных сосудах и подвесках ожерелий.

Показательно, что в Сиракене (где, наряду с сираками, обитали различные неиранские племена меотов) все известные фалары узды связаны только с сарматскими комплексами (Марченко 1996: 78). Специфические «клады» снаряжения знатных воинов-всадников II-I вв. до н.э., включающие серебряные позолоченные фалары, по А.В. Симоненко были особыми поминальными комплексами, т.к. не сопровождались человеческими захоронениями и были вписаны в природные возвышенности или более ранние курганы. (Существует и противоположное мнение: эти наборы *всегда* связаны с находящимися рядом погребениями: Мордвинцева 1998: 58). Судя по облику типобразующих вещей, исходным районом носителей этой тради-

ции была *прикубанская Сиракена*. Западные элементы этих кладов (шлемы, кельтские подковообразные псалии и др.) были результатом участия в Митридатовых войнах нач. I в. до н.э. (Симоненко 1993: 89-90). В.И. Мордвинцева считает серию находок фаларов II типа узды между Доном и Днепром принадлежавшими роксоланам, но игнорирует при этом находки этого же типа на Кубани (Кореновск, Новождерелиевская) (Мордвинцева 1998: 59-60). Вероятно, действительно такая узда (найденная преимущественно на роксоланской территории), отражает связи Кубани и Северного Приазовья (политические и художественные).

2. «Поздние скифы» и сатархи

Один из характерных для «Малой Скифии» сюжетов — скачущий вправо всадник с дротиком или мечом (на фибулах-брошках и каменном рельефе из Неаполя); вероятно, отсюда же попала и брошь с таким сюжетом на соседнее левобережье Нижнего Днепра (Соколово) (в других районах этот сюжет отсутствует).

Совершенно оригинален набор греческих изображений хтонических женских божеств эллинизированной «позднескифской» знати из «мегарона Н» в Неаполе. Здесь представлены Геката (мраморная призматическая герма), Деметра и Кора-Персефона (крупные терракоты с полихромной росписью) и самое крупное изображение на известняковой герме, которую Ю.П.Зайцев склонен связывать с известной по пантикапейской надписи скифской хтонической (?) богиней *Дитагойей* (Зайцев 1999: 146). Такой набор греческих образов не совпадает с найденным на «рядовых» синхронных «позднескифских» памятниках (см. выше) и, несомненно, отражает присутствие греков в Неаполе.

Оригинальная попытка изобразить местное божество — «Хозяина зверей», аналогичного алано-осетинскому Афсати, отражена на поясной пряжке из кургана у с. Чистенькое⁴⁰. Катакомбное захоронение у с. Чистенькое, где оно найдено, необычно для Крыма и связывается сегодня с *сатархами* (Зайцев 1999: 144). Наконец, в Малой Скифии известны неоднократные изображения Афродиты на терракотах, единичные — Тихе и Аполлона на предметах костюма. Антропоморфные образы представлены, прежде всего, на терракотах, каменных рельефах и фибулах-брошках, а также единичных пряжках, нашивных бляшках и идольчиках.

ВЫВОДЫ

Резко преобладают находки на территории сираков, несколько уступают им «поздние скифы». Иными словами, наибольшее число антропоморфных изображений связано с двумя этнополитическими массивами, расположенными наиболее близко к античным центрам. *Племенная специфика в наборе сюжетов* (как античных, так и варварских) проявляется доволь-

3. Верхние аорсы

Изображаются исключительно мужские персонажи. Золото и серебро известны лишь в двух случаях в Поволжье. При этом предполагаемые эпические сюжеты (поединок двух всадников; борьба героя с чудовищем) известны только в Поволжье. Возможно, также эпический герой представлен на стоящем коне на пряжке из Мечетсая. Типичны изображенные в бронзе погрудные образы, отдельные головы и небольшие идольчики. Большинство сюжетов здесь представлено на пряжках и фаларах, а также на накладках поясов и в виде идольчиков.

4. Языги

На собственно языгских (по А.В. Симоненко) территориях известны эллинистические персонажи (Дионис на пантере и солнечное божество) и «позднескифский» (? — см. выше) скачущий всадник с копьем наперевес. Изображения встречены на фаларах или брошках.

Проникновение сарматов (скорее всего, речь идет, в первую очередь, о языгах) в низовья Днестра и даже за Дунай стало возможно, видимо, во 2-й половине I в. до н.э. — после распада гетского царства Бурбисты (см., например: Сырбу, Быркэ 1999: 246). Фалары из Галиче, видимо, попали на юг от Дуная в захоронение какого-то погибшего во время набега знатного сарматского воина как своего рода семейная реликвия (об их датировке см. прим. 41).

5. Роксоланы

На их землях изображения известны по одному экземпляру как на фаларах, так и на предметах костюма — фибулах-брошках и пряжках. Персонажи — мужские (воин с копьем погрудно; поединок двух всадников). Пожалуй, наиболее оригинальный образ — предполагаемый вариант греко-индийской иконографии «Аполлона» в специфически юэчжийско-кушанском костюме на фаларе из Янчокрака (см. выше).

5. Аорсы

На аорсской территории изображены погрудно или в виде идольчиков местные персонажи, а также древний сюжет — змееногая богиня. Эти изображения представлены, в основном на золотых бляшках женского костюма.

7. Боспорские города

Только здесь известны терракоты со всадником-«охотником» сарматского облика, а также пряжки сарматских типов с изображениями античных богинь.

но явственно также именно у этих двух групп. Интересно, что у наиболее удаленных от греческих городов объединений (верхние аорсы, роксоланы) встречены только мужские персонажи. Находки фибул-брошек происходят из районов Приазовья (т.е. из зоны косвенного греческого влияния); идольчики также представлены лишь в низовьях Кубани, Дона и в Малой Ски-

фии. Заметны и *этнические различия в использовании различных предметов* с человеческими изображениями (для сираков характерны многочисленные фалары и серебряные сосуды,

для «поздних скифов» — каменные рельефы и античные терракоты, для верхних аорсов — пряжки, для аорсов — бляшки женского костюма с местными персонажами).

Стилистические особенности изображений «варварского» облика

Развитие, которое наблюдается в торевтике Сарматии II-I вв. до н.э., В.И. Мордвинцева считает лишь «*деградацией*... стиля украшений», когда антропоморфным образам свойственны, по сравнению с эллинистическими образцами (то есть — с точки зрения носителя *античной* культуры или ее современного поклонника), «неестественность позы, схематизм изображения» (Мордвинцева 1994: 70-71). Такие оценки свойственны и большинству ученых-античников. Однако возможен (и необходим) подход к этой теме и с *иных* позиций. На протяжении II-I вв. до н.э. в оформлении фаларов и иных вещей *происходит поиск собственного, «варварского» и при этом — специфически племенного стиля* отдельных группировок, который на деле демонстрирует большое иконографическое разнообразие. Эта специфика еще никем не исследована. Между тем, ей стоит уделить хотя бы немного внимания.

Вначале замечу, что свехпримитивные изображения составляют в нашей серии явное исключение (единственное *графитти* — крепость аспургиан; личина на пряжке из Ильтуганово; *некоторые* идольчики). Показательно также, что в двухфигурных композициях с богиней и всадником в позе «приостановки» мастер подчас использовал несколько разнородных образцов для копирования, один из которых мог быть греческого происхождения (богиня на ритоне из Мерджан и канфаре из Екатеринодара; всадник на рельефе из «Чайки»). При этом в Мерджанах и Галиче даже конь является «составным» (с какими-то античными изображениями связаны облик и поза *задней* части его тела) ⁴¹. Античные (и шире — эллинистические) образцы привлекались при изготовлении пряжки из Мечетсая и фаларов из Балаклеи.

Преобладают изображения полной фигуры анфас. В профиль представлены, прежде всего, всадники; при этом их лицо иногда развернуто к зрителю (Мерджаны, Екатеринодар, Кривая Лука IX). Что касается положения конечностей, поворота шеи, а также толщины тела и конечностей, оформлением лица, то мы сталкиваемся с большим разнообразием, которое не сводимо ни к племенной специфике, ни к какому-то «школам», а зачастую просто демонстрирует *индивидуальную манеру* ремесленника (который отнюдь не избегает сложных поз и ракурсов тела). При этом, например, на мужских хорошо «вооруженных» идольчиках из Сапогово (не зависимо от их типа) было важно передать несколько гипертрофированные для мужчин соски (это даже вызвало мысль о гермаф-

родитах: Зуев 1993: 101). Особенно показательны региональные (?) различия в изображении участников *однотипных сцен*. Таков стоящий перед богиней справа всадник в плаще, с ритонем руке в Мерджанах и в Галиче. В первом случае у мужчины — короткие, ровно подстриженные надо лбом волосы и окладистая борода и облегающие, заправленные в обувь штаны. Во втором — прическа с прямым пробором и без бороды, многовитковая гривна и широкие штаны, край которых закрывает сапожки.

На большинстве изображений мастер стремился передать хотя бы контур прически, край ворота и рукавов наплечной одежды (у разных групп аорсов — треугольный вырез ворота с широкой каймой меховой (?) опушки — Мечетсай, Новочеркасск: рис. 2, 7; 3, 7), реже — границу штанов и верхнего края полусапожек, линию пояса ⁴². Из атрибутов высокого ранга пытались всячески подчеркнуть большие многовитковые золотые гривны (Галиче, Нижние Серогозы, Янчокрак, Сапогово); в последнем комплексе у одного идольчика даже надета «настоящая» миниатюрная гривна из золота (рис. 3, 1) ⁴³. Плохо удавались попытки передать, следуя за греческими образцами, складки плаща (всадники в Галиче и Мерджанах). Чаще всего соблюдены естественные пропорции тела (лишь на поясных пластинах в Кривой Луке видим слишком полную фигуру героя и его толстую шею). Шея иногда практически отсутствует (Мечетсай; одна из фигурок из Балабинского) или очень толста (Новочеркасск, Кривая Лука IX, Комарово, Мерджаны — всадник), хотя изредка бывает и слишком тонкой («Тиха Хрисалиска», Галиче).

На обнаженных фигурах идольчиков обоих полов (мужские в Сапогово, женский в Балабинском) подчеркнуты половые органы. Но при этом они обязательно сопровождаются одним предметом костюма (Балабинский — головной убор; Сапогово — пояс с подвешенным колчаном). Особенность сапоговских обнаженных персонажей с Южного Урала (Зуев 1993: рис. 2, Г, Е) — изображение т.н. «*линии жизни*» (линия позвоночника и отходящие под углом в обе стороны ребра), свойственной искусству уральских и сибирских народов до XX в. (см., например, у приобских угров: Иванов 1970: рис. 10 и 40).

Лицо анфас, как правило, имеет форму овала (подчас при этом слегка заострен подбородок — пряжки из Мечетсая и Нижних Серогозов). Лишь ненамного реже это круг (Балаклея; Комарово; Кривая Лука VIII и IX; всадник в Мер-

джанах; «Тиха Хрисалиска»), но крайне редко — треугольник (Ильтуганово, Екатеринодар) или овал, вытянутый по горизонтали (Новочеркасск). Практически никогда (исключение — Новочеркасск) не изображались *уши* (у мужчин они прикрыты прической, у женщин покрывалом или колпаком). *Нос* чаще всего передан вытянутым прямоугольником, иногда — треугольником; чаще он не сопровождается *бровями*. Последние обычно представлены отдельными горизонтальными («Тиха Хрисалиска») или косыми (Мерджаны, Новочеркасск, Галиче) линиями; в случаях, связанных с иноземными шаблонами, видим соединенные с носом дуги бровей (в Балаклее, Янчокраке, Кривой Луке IX). Иногда подчеркнуты складки лица, ограничивающие *щеки* снизу (Кривая Лука IX, Балаклея, Новочеркасск) или даже сверху (Новочеркасск). *Глаза* передаются либо кружками, либо горизонтальными (или наклонными) короткими линиями; лишь в еди-

ничных случаях они имеют другую форму (ромб с кружком внутри — Балабинский; вытянутые треугольники — Новочеркасск; полукружья — изображения с эллинистических шаблонов в Балаклее и Кривой Луке IX). *Волосы* изображались параллельными рядами насечек. Мужские персонажи, в отличие от скифского и более позднего сарматского времени (даже носящие окладистую бороду), представлены *безусыми* (исключение — фалары греко-варварской работы в Балаклее).

Положение и разворот *руки* обычно соответствуют реальности (исключение — крайне неумелое размещение укороченных обрубков на рельефе с «Чайки»). Пальцы и сужение у кистей, как правило, не выделены. Иногда *пальцы* изображались рядом насечек (Мечетсай, «Тиха Хрисалиска»), а в отдельных случаях пальцы не только выделены, но и гипертрофированы (Сапогово).

ВЫВОДЫ

В Степи мы сталкиваемся с большим стилистическим разнообразием варварских изображений, причем изделия, наиболее стилистически близкие, не концентрируются в каком-то определенном регионе. Это может свидетельствовать о попадании изделий отдельных мастерских довольно далеко от места производства. Сказанное лишний раз демонстрирует и крайнюю *фрагментарность* наших нынешних знаний об изучаемой стороне местного искусства (ведь огромное большинство курганов зна-

ти, где обнаружены почти все происходящие из Степи антропоморфные изображения, было разграблено и разрушено еще в древности).

В целом приведенные материалы показывают, что абстрактные рассуждения о «сарматском искусстве вообще» сегодня являются *анахронизмом*. Каждой из «сарматских» культур присуща ярко выраженная специфика круга антропоморфных образов и зачастую — заметные локальные (племенные) особенности. Они нуждаются в более детальном изучении.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Впрочем, у сарматов, в отличие от скифов-сколотов, высота богатейших курганов не являлась показателем ранга умершего; в нашем же случае курган был сооружен еще в эпоху бронзы и затем досыпан.

² Появление с этого времени в «Малой Скифии» большого числа совершенно или отчасти новых сюжетов обыкновенно объясняют лишь некими глубокими социально-экономическими изменениями у потомков «геродотовых» скифов, растущим религиозным синкретизмом в регионе и т.п.

³ В центре таких пряжек помещались уже античные образы (богиня в хитоне на серебряной пряжке с шипом в виде головки лебеда в Артюховском кургане: Максимов 1979: 88; рис. 30 — в центре справа; маска актера в Мавзолее Неаполя Скифского: Шульц 1953: таб. XV, 8).

⁴ Мнение о том, что на *правом* фаларе в Кривой Луке IX всадник одет не в парадную рубаху, а в *распашной* короткий кафтан-kurtak (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1981: 103), к сожалению, не подтверждается самим изображением. (Здесь ясно видно, что глубокий треугольный вырез ворота не доходит до подола; никак не разрывается на месте предполагаемых *двух сходящихся полок* и двойной ряд декора подола).

⁵ Уже в 50-х годах К.Ф. Смирнов подчеркивал, что фалар из Северной нельзя относить ко времени Гре-

ко-Бактрийского царства, следовательно — что он мог быть сделан чуть позже (2-я пол. II в. до н.э.) (Смирнов 1953: 35).

⁶ Датировка фалара явно занижена («ахеменидское время») (см.: Treister, Yatsenko 1998: 59, note 107).

⁷ Приношу глубокую благодарность за помощь в получении неопубликованных (или пока не опубликованных качественно) материалов и прорисовок вещей Е.А. Бегловой, С.Ю. Внукову и Е.А. Поповой (Москва), А.М. Ждановскому (Краснодар), Ю.П. Зайцеву (Симферополь), И.П. Засецкой (СПб.), В.И. Мордвиновой (Волгоград) и А.М. Новичихину (Анапа).

⁸ К сожалению, при редактировании и печатании этого текста во Владикавказе в него вкралось большое количество опечаток и некачественных «поправок». Например, основной каталог (табл. 1) имеет в 7 случаях перепутанные («запаздывающие на такт») параллельные графы (сюжеты №№ 46, 13, 17, 25, 43, 49), опечатки и пропуски в датах (сюжеты №№ 5, 20, 34) и т.п., так что пользоваться им во многих случаях стало затруднительно. Серьезные опечатки и пропуски есть и в основном тексте (так, в конце с. 194 — опущен этноним аспургиане; на с. 197 — пропущено о тамгах из могилы 1841 г.).

⁹ Часть данных была неизбежно основана на «свежей» предварительной информации по новым, неопубликованным находкам. В ряде случаев их пер-

воначальная датировка и, соответственно — «сарматская» принадлежность не подтвердились, или сюжет изображения был охарактеризован неточно (деревянная статуя из Дорофеевского могильника; пряжка из Казово II: Яценко 1992 а: 194 и прим. 9).

¹⁰ В I в. до н.э. — 1-й пол. II вв. н.э., мы встречаем в Северном Приазовье для этих целей даже специальные *наборы из трех однотипных антропоморфных изображений* античного происхождения. Это могли быть маски актера и негра, выломанные из разных изделий (Чугуно-Крепинка, кург. 1: Thraue 1994: fig. 33) или монеты с головами Гелиоса в сиянии и Гермеса (Алитуб, 1971 г., курган 26/1: Засецкая 1972: таб. XIX, 1).

¹¹ Несомненно, надгробные статуи часто изображали именно похороненного здесь человека. Ср., например, большую золотую надмогильную статую сакской царицы Заринеи (Diodor. II. 34. 1). К сожалению, антропоморфные изваяния раннесарматского времени известны лишь на самой границе сарматского и дахо-массагетского миров (Северо-Западный Устюрт), где они стояли в специальных святилищах (Дженито и др. 2000: 16-17), и нами они не рассматриваются.

¹² Так, эпизоды кочевого эпоса, главными героями которого были возлюбленные — царь массагетов Зариандр и сакская царевна Одатида, по сведениям Хареса Митиленского (Athen. Deipnosoph. XII), были в IV в. до н.э. популярны в искусстве различных «живущих в Азии варваров». Их изображения хранились не только дома, но и в храмах и дворцах, а знатные персы часто давали своим дочерям имя главной героини (Бартольд 1971: 385-387).

¹³ В литературе высказывались сомнения в интерпретации этой сцены как адорации конным эпическим героем сидящей на троне богини в связи с отдаленными (и к тому же не названными) иконографическими аналогиями в греческом искусстве и эллинистических памятниках Малой Азии. Предполагается, что здесь изображена чисто греческая сцена апофеоза реально умерших людей (Емец 1994: 54; Савостина 1995: 112 — библиография; таб. III, 1). К сожалению, при этом игнорируется целая серия изображений с такой иконографией в иранском мире, начиная с V в. до н.э. (войлочный ковер из кургана 5 в Пазырыке и др.), которые, по сравнению с греческими и малоазийскими, имеют значительную специфику (Яценко 1995: 188-189). Не учитывается и чисто варварский характер изображения (костюм всадника, конский череп, надетый на палку, и другие детали).

¹⁴ В последние годы в литературе стала более заметной тенденция считать аспургиан многоплеменными военными поселенцами, своего рода «боспорским казачеством» (см. сводку: Сапрыкин 1985). Она идет от М.И. Ростовцева, осторожно предположившего, что аспургиане были дружиной Аспурга, набравшей с берегов Меотиды или из глубин Сарматии (Ростовцев 1916: 17). Следует отметить, что наличные письменные и эпиграфические источники не дают для этого никаких надежных оснований. Напротив, такой информированный автор как Страбон, оставивший наиболее подробное описание аспургиан, называет их одним из племен «меотов» (этот термин толкуется им, видимо, как *территориальный*, а не этнический: «Вокруг озера Меотиды живут меоты»: XI. 2. 1), точно указывает их локализацию между Фанагорией и Горгиппией и ничем не выделяет их из ряда соседей (Strabo. Geogr. XI. 2. 11). В другом случае аспургиане также прямо названы «одним из варвар-

ских племен» (Strabo. XII. 3. 29). Вероятно, из этого этноса происходил царь Аспург (11/14-37 гг. н.э.), первый правитель Боспора, поместивший на монетах сарматскую тамгу и, видимо, начавший широко использовать сарматов в своей внешней политике (Виноградов 1994).

¹⁵ В другой женской могиле (Зубовский, курган 2, раскопки «мещанина Забродина» 1899 г.) в могилу был символически помещен именно обломанный нижний конец посоха (Ждановский 1985: рис. 10, 2).

¹⁶ Самостоятельные сцены с богиней Афиной в этот период не известны. Однако отмечу варваризованную в восточноэллинистическом духе сцену ее борьбы с гигантом в многофигурной композиции на золотом фаларе из Северского кургана (Смирнов 1953: таб. VIII; Анфимов 1987: фото на с. 176, 188-189). Ранее, в III-II вв. до н.э., бляха греческой работы с этой сценой есть в составе Федуловскогоклада 1904 г. на р. Сал (Спицын 1909: рис. 43; Засецкая 1965: рис. 5).

¹⁷ К сожалению, в публикации дана весьма схематичная и маленькая прорисовка пряжки. За более качественное и крупноформатное изображение я глубоко признателен Ю.П. Зайцеву.

¹⁸ Не исключаю, что здесь изображен именно конный «охотник» (см. ниже). Сцена с изображением всадника, охотящегося с мечом (!) при пустом колчане на лань и на грифона, есть на фаларах узды позднесарматского времени (рубежа II-III вв. н.э.) из кургана 1983 г. в Ростове-на-Дону (Raev 1986: pl. 58; Яценко 1992 а: ; таб. 10, 5), что имеет прямые параллели в текстах осетинского нартского эпоса (эпизод охоты Сослана на «дочь Солнца» богиню Ацирухс в облике лани: Нарты 1989: 177).

¹⁹ Здесь в составе уздечки были 4 бляшки (2 пары, в каждой из которых две симметричные фигурки всадника, скачущих вправо и влево).

²⁰ Любезная информация Е.А. Бегловой 16.11.1999.

²¹ По мнению Дж. Бергеманна, известный рельеф «со сценой амазономахии» из Юбилейного на Тамани датируется не IV в. до н.э., а поздним эллинизмом (Treister 1996: 119; note 26). Если это так, то он тоже должен рассматриваться в рамках данной статьи. О негреческом характере этой сцены, где, в действительности, противопоставлены две группы юношей соответственно с «классическими» сарматскими и скифскими/сколотскими костюмом и прическами (см.: Яценко 1989 а: 121, 124).

²² Вероятно, как иллюстрация к местному эпосу могла восприниматься и сцена на серебряных фаларах из Володарки (Гурьевской обл.), где Беллерофонт-всадник сражается с Химерой (Мордвинцева 1996 б: рис. 2-3), датируемых III-II вв. до н.э. (Там же: 155; Мордвинцева 1998: 57). Показательна такая отмеченная автором публикации деталь, как трехногость коня (Мордвинцева 1996 б: 154). В самом деле, например, в осетинском нартском эпосе, восходящем к сарматско-аланскому, постоянно упоминаются трехногие крылатые белые кони «авсург/авсорк» из небесного табуна.

²³ К сожалению, в публикации В.Е. Максименко и Е.И. Савченко изображение на бляшках передано весьма неточно. Эта ошибка исправлена в нашей публикации.

²⁴ Злую шутку с авторами публикации этой брошю сыграло широкое распространение в Северном Причерноморье античных медальонов с изображением Афродиты и Эрота. Именно так и было интерпре-

тировано данное изображение (Евдокимов, Куприй 1992: 10). Между тем перед нами зрелый мужчина с короткой стрижкой, одетый в кафтан, запахнутый, по кочевой традиции, налево и держащий в правой руке копье. Отчетливо видны также голова и шея лошади... В каком-то смысле аналогией нашему образцу можно считать найденную на территории гетов (в Румынии) брошь из Херэстрэу 1938 г. (Fettich 1953: abb. 4, 1-2).

²⁵ Из этого списка исключены только самые примитивные фигурки из мергеля/мела, реже — кости.

²⁶ Более детальному анализу набора сапоговских идолов посвящена статья (Яценко 2001 а).

²⁷ Сходную позу видим у гагатого идоличка из женской могилы в том же регионе (хут. Алитуб 1971 г., курган 26/1, датируемый Б.А. Раевым по античному импорту уже 1-й пол. I в.н.э. (Засецкая 1972: таб. XXIX, 1).

²⁸ В 1-й пол. I в. н.э. у женщин кубанских сираков также известны свинцовые идолички сходной формы (Большой Армавирский курган: ОАК 1906: 62-64). Здесь можно предполагать наличие недостающих частей из органики (дерева, кожи): женщина сидит (на кресле?) и сложила руки так, как будто она держит у груди младенца (Ждановский 1985: рис. 4, 5-6; Яценко 1992 а: таб. 8, 5).

²⁹ Любезное сообщение Е.А. Бегловой 16.11.1999.

³⁰ Стоит учесть, что изображение подлетающей к мужскому персонажу птицы во II-I вв. до н.э. свойственно и искусству таких задававших «моду» в Великой Степи могущественнейших номадов, как хунну (например — пластина 1985 г. из могильника Даодуньцзы: Варенов, Полосмак 1989: рис. 2). О популярности хуннуского искусства у «ранних сарматов» свидетельствуют находки на востоке Сарматии поясных пластин и местных подражаний им (Яценко 1992 г: 247; Яценко 2001 б). Один из ярких примеров последних — пластина с изображением медведя и «сарматского тарандра», терзающих сбоку лежащую лошадь из могильника Покровка 2 в Южном Приуралье (кург. 17/2), имеющая близкую аналогию в могильнике Шичышань (Богданов 1999: 269; рис. 1, 1-2).

³¹ Только что высказанное мнение об иконографической близости *головы* янчокракского божества образцам *кельтского* искусства (Мордвинцева, Переводчикова 2000: 55) пока не аргументировано.

³² Погребение с фаларами с изображением Эрота на пантере в погребении «зубовско-воздвиженского типа» 88 могильника Цемдолина под Новоросским датируются, видимо, уже 1-й пол. I в.н.э.; фалары произведены незадолго до этого (Malyšev, Treister 1994: 49-50; abb. 6-8, 31; taf. 3).

³³ Комплекс датировался не позже II в. до н.э. (Абрамова 1961: 96).

³⁴ И.И. Марченко датирует ахтанизовские фалары II-I вв. до н.э. (Марченко 1996: 81).

³⁵ В литературе еще встречаются утверждения, что появление изображений греческих богов в глубине Степи может свидетельствовать и о проникновении греческих *верований* (см., например: Хазанов, Шкурко 1978: 78). Ни в одной из подобных публикаций эта версия пока не подтверждена сколько-нибудь развернутой аргументацией.

³⁶ В числе немногих исключений — богиня погрудно с парой птиц у плеч (диадема из Хохлача), скачущий всадник-«охотник» и спокойно стоящий (Яценко 1992 а: таб. 1, №№ сюжетов 1,14,30).

³⁷ На территории других этносов найдены золотые накладки отдельных частей поясов с изображе-

ниями предполагаемых эпических сцен (Кривая Лука VIII, Нижние Серогозы).

³⁸ Языги на рубеже н.э. первым из сарматских племен начали активную экспансию в низовья Дуная (Аппиан называет их по старой традиции также «савроматами»). Предполагается, что роксоланы (на юге Днепровской левобережной степи вдоль берегов реки) оставили погребения с северной ориентировкой умерших, в то время как могилы с южной ориентировкой принадлежали языгам, проживавшим к северу и востоку от первых (Симоненко 1999: 24-25) (см. Симоненко 1993: рис. 28 — расшифровка обозначений пропущена: незакрашенные кружки обозначают южноориентированные погребения). Видимо, именно к языгам относится информация Страбона, что фракийцы-трибаллы были вынуждены уйти за Дунай в том числе — из-за «савроматов», которые «переправлялись через реку... и известная часть их осела или на островах или во Фракии» (Strabo. Geogr. VII. 3. 13). Языгам, скорее всего, принадлежали изделия, найденные в низовьях Днестра, а также во Фракии (Галиче, где, видимо, был захоронен убитый во время набега знатный сарматский воин).

³⁹ Видимо, к аорсам относится и изображение на бляшках из Центрального Предкавказья (змееногая богиня в Комарово), т.к. их владения, судя по данным Страбона, восточнее сиракских земель доходили «на юг до Кавказских гор» (Strabo. Geogr. XI. 2. 1).

⁴⁰ Видимо, похожее по функциям божество изображено много позже на росписи склепа 1 в Неаполе Скифском (стоит с простертыми в стороны руками, по бокам его, видимо, размещались два вставших на дыбы крылатых коня: Бабенчиков 1957: рис. 15, а). Сходный по функциям бог мог быть нарисован и на обнаруженном недавно на Усть-Альминском могильнике (западное побережье Крыма) расписном деревянном гробу I-II вв. н.э. Здесь красками в центре сцены представлен персонаж, сидящий анфас на лошади «по-женски». С обеих сторон к нему подлетают (?) изображенные в профиль два бескрылых женских (?) существа с расставленными в стороны руками в длинных, до пят, расширяющихся книзу глухих платьях. У одного из них в руке ритон (любезная информация Ю.П. Зайцева, 8.06.1999).

⁴¹ В Галиче на плече лошади воспроизведена углублением каплевидная бирюзовая/стеклянная вставка, характерная для изделий «бирюзово-золотого звериного стиля» (те же вставки изображены на плече и бедре коня главного героя в росписи I в. н.э. в антикапейском «склепе Анфестерия: Яценко 1995: 189). Это позволяет уточнить нижнюю дату производства фалара, т.к. первые *подражания* восточным вещам в «бирюзово-золотом стиле» в Европе появляются на Средней Кубани и левобережье Нижнего Дона *на самом рубеже н.э.* (Treister, Yatsenko 1998: 56-57, 76-77; Яценко 2000 б). Поэтому датировка данных фаларов И.И. Марченко *еще 2-й пол. II в. до н.э.*, основанная на его трактовке схематичных изображений многовитковых гривен (Марченко 1996: 80, прим. 1), не кажется убедительной.

⁴² О методике анализа элементов костюма на изображениях см.: Яценко 2000 в: 301-303.

⁴³ Срав. весьма тщательно изготовленные миниатюрные золотые гривну и серьги на железном идоличке из более ранней богатой могилы V в. до н.э. в Грузии (Вани) (Dshawachischwili 1986: 44). У кочевников сарматской эпохи гривны характерны для знати еще в большей мере, чем скифской (ср., например: Яценко 1999 б: 166).

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев К.А. 1983. Древнее золото Казахстана. Алма-Ата.
- Алексеев А.Ю. 1991. Уникальный уздечный набор из Александропольского кургана // Археологические культуры Евразии и проблемы их интеграции. Краткие тезисы докладов научной конференции. СПб.
- Алексеев А.Ю. Мурзин В.Ю. Ролле Р. 1991. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. Киев.
- Алексеев А.Ю. 1994. К идентификации погребений кургана Солоха // Тезисы докладов международной конференции «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья»-II. Запорожье.
- Астахов В.А. 1986. К вопросу об обожествлении боспорских царей // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тез. докл. III конференции молодых ученых ИА АН СССР. М.
- Абрамова М.П. 1961. Сарматские погребения Дона и Украины // СА. № 1.
- Амброз А.К. 1992. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. Вып. 1. М.
- Андиев Б.Ф. Андиева Р.Ф. 1960. Осетинский орнамент. Орджоникидзе.
- Анфимов И.Н. 1986. Погребальный комплекс II века до н.э. у хутора Элитный (Краснодарский край) // Новое в археологии Северного Кавказа. М.
- Анфимов Н.В. 1986. Древнее золото Кубани. Краснодар.
- Артамонов М.И. 1966. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага, Л.
- Бабенчиков В.П. 1957. Некрополь Неаполя Скифского // История и археология древнего Крыма. Киев.
- Бартольд В.В. 1971. К истории персидского эпоса // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VII. М.
- Берлизов Н.Е. Каминская И.В. Каминский В.Н. 1995. Сарматские памятники Восточного Закубанья. Хронология и хронография // Историко-археологический альманах. Вып. 1. Армавир, М.
- Берлизов Н.Е. 1999. Степное Прикубанье и Закубанье в раннем железном веке // Древности Кубани. Вып. 14. Краснодар.
- Берхин И.П. 1962. О месте производства серебряных фаларов из Федуловского «клада» // СГЭ. Т. XXII. Л.
- Бессонова С.С. 1983. Религиозные представления скифов. Киев.
- Богданов Е.С. 1999. Поясные пластины из Шицзышаня // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V. Новосибирск.
- Брыкина Г.А. 1987. Об антропоморфных скульптурах в захоронениях Ферганы // Прошлое Средней Азии. Душанбе.
- Брыкина Г.А. Трунаева Т.Н. 1995. Идолы в захоронениях Ферганы // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М.
- Бубенок О.Б. 1997. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI — нач. XIII вв.). Киев.
- Варенов А.В. Полосмак Н.В. 1989. Новые образцы поясных пластин гуннского времени из могильника Даодуньцзы в Северном Китае // Проблемы археологии скифо-сибирского мира. Тез. докл. всесоюзной археологической конференции. Кемерово.
- Виноградов Ю.А. 1993. О ритонах из кургана Карагудеуаш // ПАВ. Вып. 6. СПб.
- Виноградов Ю.Г. 1994. Очерк военно-политической истории сарматов в I в.н.э. // ВДИ. № 3.
- Высотская Т.Н. 1979. Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев.
- Высотская Т.Н. 1983. Своеобразие культуры поздних скифов в Крыму // Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев.
- Вязьмитина М.И. 1969. Культура населения Нижнего Днепра после распада единой Скифии // СА. № 4.
- Гиджрати Н.И. Наглер А.О. 1985. Сарматское погребение у сел. Комарово Моздокского района СО АССР (предварительная публикация) // Античность и варварский мир. Орджоникидзе.
- Гущина И.И. 1969. Янчокракский клад // Древности Восточной Европы. М.
- Гущина И.И. Засецкая И.П. 1989. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье // Тр. ГИМ. Вып. 70. М.
- Дашевская О.Д. Михлин Б.Ю. 1983. Четыре комплекса с фибулами из Беляусского могильника // СА. № 3.
- Дворниченко В.В. Федоров-Давыдов Г.А. 1981. Серебряные фалары из сарматского погребения могильника Кривая Лука IX в Астраханской области // КСИА. Вып. 168. М.
- Дворниченко В.В. Федоров-Давыдов Г.А. 1989. Памятники сарматской аристократии в Нижнем Поволжье // Сокровища сарматских вождей и средневековые города Поволжья. М.
- Десятчиков Ю.М. 1973. Сарматы на Таманском полуострове // СА. № 4.
- Дженито Б. Ольховский В.С. Самашев З.С. Франкфор Ф.-П. 2000. Исследование древних святилищ арало-каспийских степей: итоги и перспективы // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.
- Древности Таджикистана. 1985. Каталог выставки. Душанбе.
- Древности Южного Узбекистана. 1991. (Каталог выставки). Токио, Ташкент.
- Евдокимов Г.Л. Куприй Н.М. 1992. Сарматские погребения Нижнего Поднепровья (по материалам Краснознаменной экспедиции 1977-1992 гг.). Препринт. Киев.
- Емец И.А. 1994. К вопросу о культурах верховного женского божества и бога-всадника у синдо-меотов // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тез. докл. VII международной научной конференции. Ростов-на-Дону.
- Ждановский А.М. 1985. История племен Среднего Прикубанья во II в. до н.э. — III в.н.э. Рукопись диссертации канд. ист. наук. Альбом. МГУ. М.
- Ждановский А.М. 1989. Новые погребения кочевников сарматского круга из Закубанья // Древние памятники Кубани. Краснодар.
- Железчиков Б.Ф. Фалалеев А.В. 1995. Раскопки у с. Лятошинка // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области. Волгоград.
- Зайцев Ю.П. 1994. Верховная знать Неаполя Скифского (Новое исследование захоронения в каменной гробнице Мавзолея) // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб.

- Зайцев Ю.П. 1995. Неаполь Скифский во II в. до н.э. — III в. н.э. Автореф. канд. дисс. Киев.
- Зайцев Ю.П. 1999. Скилур и его царство (Новые открытия и новые проблемы) // ВДИ. № 2.
- Засецкая И.П. 1965. Назначение вещей Федуловского «клада» // АСГЭ. Вып. 7. с. 28-36.
- Засецкая И.П. 1972. Отчет о работе Манычского отряда Волго-Донской экспедиции в 1971 г. — Архив РОМК. Фонд 2. опись 11. № 57.
- Зуев В.Ю. Левинская И.А. 1990. Комментарий к статье М.И. Ростовцева «Иранский конный бог и Юг России» // ВДИ. № 2.
- Зуев В.Ю. 1993. «Пляшущие человечки» Сапоговского клада // Ad Polum. Сборник статей в честь Л.П.Хлобыстина. СПб.
- Зуев В.Ю. 1998 а. Прохоровские курганы в южном Приуралье и проблема хронологии раннесарматской культуры. Автореф. канд. дис. СПб.
- Зуев В.Ю. 1998 б. К истории сарматской паноплии. Мечи и кинжалы прохоровского типа. // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы Международной научной конференции. СПб.
- Зуев В.Ю. 2000. Основные проблемы хронологии «раннесарматской» культуры // Проблемы хронологии сарматской культуры. Самара.
- Иванов С.В. 1970. Скульптура народов Севера Сибири XIX — первой пол. XX в. Л.
- Каминский В.Н. Берлизов Н.Е. 1987. Раскопки кургана-кладбища в городе Курганинске в Восточном Закубанье // Древности Кубани (Материалы Семинара). Краснодар.
- Кобылина М.М. 1974. Терракоты Фанагории // Терракотовые статуэтки. Ч. IV. Подонье и Таманский полуостров. (САИ. Вып. Г 1 — 11). М.
- Колтухов С.Г. Тоцев Г.Н. 1998. Курганные древности Крыма. Вып. II. Запорожье.
- Костенко В.И. 1979. Наиболее ранние сарматские погребения в бассейне Орели и Самары // СА. №4.
- Крыкин С.М. 1986. Культы всадников в античном Северном Причерноморье // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тез. докл. III конф. молодых ученых ИА АН СССР. М.
- Крыкин С.М. 1993. Фракцийцы в античном Северном Причерноморье. М.
- Курочкин Г.Н. 1994. Скифские корни сибирского шаманизма: попытка нового «прочтения» Пазырыкских курганов // ПАВ. Вып. 8.
- Максимова М.И. 1979. Артюховский курган. Л.
- Максименко В.И. Савченко Е.И. 1984. Раннесарматское погребение в Новочеркасске // Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.
- Малышев А.А. 1992. Позолоченные терракотовые медальоны с изображением Медузы Горгоны в Прикубанье // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989-1990 гг. Материалы семинара по скифо-сарматской археологии. М.
- Марченко И.И. 1988 а. Сарматы степей Правобережья Кубани во 2-й пол. IV в. до н.э. — III в.н.э. (по материалам курганных погребений). Автореф. канд. дис. Л.
- Марченко И.И. 1988 б. Проблемы этнической истории Сиракского союза в Прикубанье // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар, 1986.
- Марченко И.И. 1996. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар.
- Масленников А.А. Бужилова А.П. 1999. «Ифигения на Меотиде» (материалы к обсуждению существования ритуальной декапитации в античном Приазовье) // Древности Боспора. Вып. 2. М.
- Мордвинцева В.И. 1994. Сарматские фалары и некоторые вопросы истории и культуры сарматов // Проблемы истории и культуры сарматов. Волгоград.
- Мордвинцева В.И. 1996 а. Фалары конской упряжи на территории Степной Евразии в III в. до н.э. — первой половине II в. н.э. Автореф. канд. дис. СПб.
- Мордвинцева В.И. 1996 б. Фалары с изображением Беллерофонта из сарматского погребения у с. Володарка в Западном Казахстане // РА. № 4.
- Мордвинцева В.И. 1996 в. Фалары Северного Причерноморья II-I вв. до н.э. как особая группа эллинистической торевтики // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. тез. докл. VIII международной научной конференции. Ростов-на-Дону.
- Мордвинцева В.И. 1998. Классификация фаларов конской упряжи III в. до н.э. — нач. II в.н.э. и типы парадного конского снаряжения у сарматов // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 6-го археологического семинара) (часть 1). Краснодар.
- Мордвинцева В.И. Переводчикова Е.В. 2000. О формировании «причерноморского графического стиля» на фаларах II-I вв. до н.э. // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 7-го археологического семинара). Краснодар.
- Мошкова М.Г. 1960. Раннесарматские бронзовые пряжки // МИА. Вып. 78. М.
- Нарты 1989. Осетинский героический эпос. Кн. 2. М. ОАК за 1903 г. 1906. СПб.
- Осетины глазами русских и иностранных путешественников. 1967. Орджоникидзе.
- Полин С.В. 1992. От Скифии к Сарматии. Киев.
- Попова Е.А. 1974. Рельеф с городища «Чайка» // СА. № 4.
- Попова Е.А. 1994. К вопросу о степени эллинизации позднескифской культуры // Тез. докл. междунар. конф. «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья» - II. Запорожье.
- Попова Е.А. 1996. Здание типа мегарон с позднескифского городища «Чайка» // Вестник МГУ. Серия 8 (История). № 1.
- Пругло В.И. 1977. Терракотовые статуэтки всадников на Боспоре // История и культура античного мира. М.
- Раевский Д.С. 1985. Модель мира скифской культуры. М.
- Ростовцев М.И. 1913 а. Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. Вып. 49.
- Ростовцев М.И. 1913 б. Античная декоративная живопись на Юге России. Атлас. СПб.
- Ростовцев М.И. 1916. Бронзовый бюст боспорской царицы Динамии и история Боспора в эпоху Августа // Тр. МАО. Т. 25. М.
- Ростовцев М.И. 1918. Эллинизм и иранство на Юге России. Пг.
- Ростовцев М.И. 1990. Иранский конный бог и Юг России // ВДИ. № 2.
- Ростовцев М.И. 1993. Сарматские и индо-скифские древности // ПАВ. Вып. 5. СПб. (2-е изд.).
- Руденко С.И. 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.
- Савостина Е.А. 1995. Тема надгробной стелы из Трехбратнего кургана в контексте античного мифа //

- Историко-археологический альманах. Вып. 1. Армавир, М.
- Садыкова М.Х. 1962. Сарматские памятники Башкирии // МИА. Вып. 115.
- Сапрыкин С.Ю. 1985. Аспургиане // СА. № 2.
- Сапунов Б.В. 1999. Тайна змеевиков // АСГЭ. Вып. 34.
- Силантьева П.Ф. 1974. Терракоты Пантикапея // Терракотовые статуэтки. Ч. III. Пантикапей (САИ. Вып. Г1 — 11). М.
- Симоненко А.В. 1993. «Клады» снаряжения всадника II-I вв. до н.э.: опыт классификации и этнической интерпретации // Вторая кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар.
- Симоненко А.В. 1993. Сарматы Таврии. Киев.
- Симоненко А.В. 1999. Сармати Північного Причорномор'я. Хронологія, періодизація та етно-політична історія. Автореф. дисс. докт. іст. наук. Київ.
- Скрипкин А.С. 1992. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории. Автореф. докт. дис. М.
- Смирнов К.Ф. 1953. Северский курган. (Тр. ГИМ. Вып. XI). М.
- Смирнов К.Ф. 1975. Сарматы на Илеке. М.
- Смирнов К.Ф. 1984. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.
- Сокольский Н.И. 1967. Синдская скульптура // Античное общество. М.
- Сокольский Н.И. 1975. Крепость аспургиан на Боспоре // КСИА. Вып. 143. М.
- Скольский Н.И. 1976. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.
- Спицын А.А. 1909. Фалары Южной России // ИАК. Вып. 29. СПб.
- Ставиский Б.Я. Яценко С.А. 2001. Искусство и культура древних иранцев (Великая Степь, Иранское плато, Средняя и Центральная Азия). Учебное пособие для гуманитарных факультетов вузов. М.: изд. РГГУ (В печати).
- Суразаков А.С. 1979. Железный кинжал из долины Ачик Горно-Алтайской автономной области // СА. № 3.
- Сырбу В. Быркэ В. 1999. Даки и сарматы в Восточно-Карпатском регионе (I в. до н.э. — I в.н.э.) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье.
- Тревер К.В. 1940. Памятники греко-бактрийского искусства. М., Л.
- Трейстер М.Ю. 1994. Сарматская школа художественной торевтики (К открытию сервиза из Косики) // ВДИ. № 1.
- Узянов А.А. 1977 а. Отчет о работах Багаевского отряда Донской экспедиции ИА АН СССР в 1976 г. Т. 2. — Архив ИА РАН. № 7044.
- Узянов А.А. 1977 б. Нижнесальские курганы // АО-1976. М.
- Фролова Н.А. 1964. Монеты скифского царя Скилура // СА. № 1.
- Хазанов А.М. Шкурко А.И. 1978. Воздействие античной культуры на искусство скифо-сарматского мира // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М.
- Шауб И.Ю. 1987. К вопросу о культе отрубленной человеческой головы у варваров Северного Причерноморья и Приазовья // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Призовье (Тезисы докладов к семинару). Новочеркасск.
- Шауб И.Ю. 1991. Образ Медузы Горгоны в Северном Причерноморье // Древние культуры и археологические изыскания. СПб.
- Шауб И.Ю. 1999. Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // Stratum plus. № 3. СПб., Кишинев, Одесса.
- Шедевры древнего искусства Кубани 1987. Каталог выставки. М.
- Щеглов А.Н. 1998. Еще раз о позднескифской культуре в Крыму (к проблеме происхождения) // История и культура древних и средневековых обществ (Проблемы археологии. Вып. 4). СПб.
- Шульц П.Н. 1946. Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака // КСИИМК. Вып. 12. М.
- Шульц П.Н. 1953. Мавзолей Неаполя Скифского. М.
- Элиаде М. 1998. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. СПб.
- Яценко С.А. 1984. «Сарматизация» и «эллинизация» костюма этносов Северного Причерноморья // XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (Тезисы докладов). Майкоп.
- Яценко С.А. 1985. О древних прототипах мужской плечевой одежды осетин // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе.
- Яценко С.А. 1989 а. Сарматские и скифские элементы в антропоморфных изображениях Прикубанья кон. IV — первой пол. III вв. до н.э. // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Новочеркасск.
- Яценко С.А. 1989 б. Костюм и покровы кочевой аристократии из некрополя Тилля-тепе (Афганистан) // Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока. М.
- Яценко С.А. 1991. Сиракский Союз в Прикубанье (Проблемы увязки археологических и письменных источников) // Древности Кубани (материалы научно-практической конференции). Краснодар.
- Яценко С.А. 1992 а. Антропоморфные изображения Сарматии // Аланы и Кавказ (Alapica — II). Владикавказ, Цхинвал.
- Яценко С.А. 1992 б. Скифские и сарматские элементы в искусстве Малой Скифии I-III вв. н.э. // Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов научной конф. Мелитополь.
- Яценко С.А. 1992 в. О преемственности мифологических образов ранних и средневековых аланов // Проблемы этнографии осетин. Вып. 2. Владикавказ.
- Яценко С.А. 1992 г. Элементы культуры хунну на территории Сарматии // VI Международный конгресс монголоведов. Доклады российской делегации. Вып. I. М.
- Яценко С.А. 1994 а. К истории формирования одного из ключевых стереотипов сарматологии // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб.
- Яценко С.А. 1994 б. Алано-славянские культурные контакты в VI-XIII вв. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тез. докл. VII международной научной конференции. Ростов-на-Дону.
- Яценко С.А. 1995. О сармато-аланском сюжете росписи в пантикапейском «склепе Анфестерия» // ВДИ. № 3.
- Яценко С.А. 1996 а. О переосмыслении некоторых образов античного искусства сармато-аланами (сер. I — сер. III вв. н.э.) // Античная цивилизация и варварский мир. Тезисы докладов V археологического семинара. Новочеркасск.

- Яценко С.А. 1996 б. Некоторые культовые сюжеты в искусстве сарматов Северного Кавказа I в. до н.э. - I в. н.э. // *Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н.э. Материалы конференции.* СПб., 1996.
- Яценко С.А. 1999 а. О некоторых антропоморфных сюжетах номадов Европы V-IV вв. до н.э. // *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова).* Запорожье.
- Яценко С.А. 1999 б. Костюм племен пазырыкской культуры Горного Алтая как исторический источник // *ВДИ.* № 3.
- Яценко С.А. 2000 а. Эпический сюжет ираноязычных кочевников в древностях Степной Евразии // *ВДИ.* № 4.
- Яценко С.А. 2000 б. О мнимых «бактрийских» ювелирных изделиях в Сарматии I-II вв. н.э. // *Нижне-волжский археологический вестник.* Вып. 3. Волгоград.
- Яценко С.А. 2000 в. Раздел "Костюм" // *Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье.* (Т. IV). Архитектура. Искусство. Костюм. М.
- Яценко С.А. 2001 а. Культурные контакты финно-угорских и иранских народов древности (Сапоговский клад как культурно-исторический памятник) // *Славянский, финно-угорский и тюркский мир: взаимодействие культур.* Ижевск (в печати).
- Яценко С.А. 2001 б. О некоторых вопросах изучения "археологического" костюма. Механизмы костюмных связей народов Великой Степи // *Культуры степей Евразии второй пол. I тысячелетия н.э. (из истории костюма).* Самара (в печати).
- Bussagli M. 1984. *L'Arte del Gandhara.* Torino.
- Dshawachischwili A. 1986. *Golgschmiedekunst und Toreutik im vorchristlichen Georgien // Goldschmiedekunst und toreutik in den museen Georgiens.* Leningrad.
- Fettich N. 1953. *Archäologische Beiträge zur Geschichte der Sarmatisch-Dakischen Beziehungen // Acta Archaeologica.* T. III. Budapest.
- From the Land of the Scythians 1975. *Ancient Treasures from the Museums of the USSR 300 BC — 100 BC // The Metropolitan Museum of Art Bulletin.* Vol. XXXII. p. 5. New York.
- Harmatta J. 1950. *Studies on the History of the Sarmatians.* Budapest.
- Kieseritzky G. Watzinger C. 1909. *Griechische Grabreliefs aus Südrussland.* Berlin.
- Lexikon Iconographicum Mythologiae Classicae 1984. T. II, 2. Zürich, München.
- Malyšev A.A. Treister M.Yu. 1994. *Eine Bestattung des Zubovsko-Vozdvizhenski-Kreises aus der Umgebung von Noworossisk // Bayerische Vorgeschichtsblätter.* Bd. 59.
- Marshall J. 1951. *Taxila.* Cambridge.
- Raev B.A. 1986. *Roman Imports in the Lower Don Basin (BAR International Series, 268).* Oxford.
- Raev B.A. Simonenko A.V. Treister M.Yu. 1991. *Etrusco-Italic and Celtic Helmets in Eastern Europe // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums.* Bd. 38. Mainz.
- Rosenfield J.M. 1967. *The Dynastic Arts of the Kushans.* Berkeley, Los Angeles.
- The Crossroads of Asia. 1992. *Transformation in Image and Symbol in the Art of Ancient Afghanistan and Pakistan. An Exhibition at the Fitzwilliam Museum, Cambridge.* (Ed. by E. Errington and J. Cribb). Cambridge.
- The Treasures of Nomadic Tribes in Southern Russia 1991. (Catalogue). Kyoto.
- Sarianidi V.I. 1985. *Bactrian Gold from the Excavations of the Tillya-tepe Necropolis in Northern Afghanistan.* Leningrad, Vienna.
- Thrane H. 1994. *Steppens nomader — skovens bonder. Ukraines arkaeologi i 2000 ar (900 f. Kr. — 1240).* Hollufgard.
- Treister M.Y. 1996. *Essays on the Bronzeworking and Toreutics of the Pontus // Colloquia Pontica.* Vol. 1. (Ed. by G.R. Tsetskladze). Oxford.
- Treister M. Yatsenko S. 1998. *About the Centres of Manufacture of Certain Series of Horse-Harness Roundels in «Gold-Turquoise Animal Style» of the 1-2 nd Centuries AD // Silk Road Art and Archaeology.* Vol. 5. Kamakura.
- Zimmermann J.-L. 1990. *Ancient Art from the Barbier-Mueller Museum.* New York.